

как литературные образцы предлагает тексты из Библии и различных житий, стихи Григория Богослова, проповеди патриарха Константинопольского Геннадия. Вторая часть, имея особое заглавие («Краткое собрание имен, по главизнам расположенное тремя диалектами, в ползу хотящим ведети свойство еллиногреческого и латинского диалекта»), содержит около 2 тысяч слов, объединенных в 34 тематические группы. В «Букваре» впервые в русском книгопечатании были использованы латинские и греческие литеры. Книга имеет оглавление и список опечаток («Типографская погрешения исправлена»). «Букварь» П.-О. богато иллюстрирован (18 гравюр, 10 заставок и столько же концовок).

В 1704 г. П.-О. издал словарь, содержащий 27 тысяч слов: «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное». Источниками П.-О. в его работе над «Лексиконом» служили рукописные словари, в том числе белорусско-латинско-польский словарь *Епифания Славинецкого* (см. работы М. Н. Сперанского и Т. Д. Якубовича). В предисловии, высоко оценивая значение славянских языков и обыгрывая при этом слово «слава», П.-О. характеризует церковнославянский язык, «яко поистине отец многих языков, благоплоднейша, понеже от него аки от источника неисчерпаема, прочим многим произыти языком, сиречь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссийскому, и иным множайшим, всем есть явно. Немалую же и отсюда наш язык славенский имеет почесть». При организации словарного материала П.-О. тщательно прорабатывал гнезда (группы однородных слов и словосочетаний), широко пользовался комментарием, продолжил традицию калькирования сложных слов. Замечательно, что в предисловии к «Лексикону» латинский язык оценивается как общенациональный язык науки, а не как язык католических схизматиков: «Сей диалект ныне паче иных по кругу земному во гражданских и школьных делах относится; такожде и о всяких науках и художествах ко человеческому жительству нужных, книги премноги с иных языков преведены и вновь сочинены на сем языке обретаются. Вкратце рещи: несть кому лишитися обрести, его же бы пожелал имети по своей потребе тако художник, яко и военных дел искусный ратоборец». Все исследователи очень высоко оценивают значение «Букваря» и «Лексикона» П.-О., отмечая при этом, что эти книги способствовали осознанию мирового значения русского языка (см. работу А. С. Курилова). В 1721 г. П.-О. издал «Грамматику», положив в основу своей книги «Грамматику *Мелетия Смотрицкого* в издании 1619 г. и дополнив ее «Чинном технологией» и «Заключительным увещанием». В «Чине технологии» П.-О. впервые попытался применить катехизический метод при обучении грамоте.

В 1708 г. П.-О. получил через начальника монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина распоряжение Петра I о написании русской истории («Историю указал государь писать, почав от царства великого князя Василья Ивановича, даже и до днесь российских дел»). Выполняя заказ царя, П.-О. завершил свою работу в 1715 г. («Сие краткое собрание истории Российской совершися. . . в лето 1715 г. марта в 16 день»). Петр I остался недоволен работой П.-О., хотя и наградил автора 200 рублями. «История» П.-О. не была опубликована, известны три ее списка (ЦГАДА, ф. 181, № 849; БАН, 32.6.30; ГБЛ, Музейное собр., № 4698), отражающие различные этапы работы над ней. В окончательном виде работа озаглавлена: «История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против швейского короля Карола второго на десять пространнее описующая». «История» делится на три части: 1) краткий рассказ о русской истории до середины XVI в., основанный на «Синописисе» *Иннокентия Гизеля* и занимающий всего лишь 30 листов; 2) описание событий до воцарения Романо-

вых (280 листов); источниками для нее послужили *Казанская история*, «Степенная книга», «История» А. Курбского, «Сказание» Авраамия Палицына, «Новая повесть о преславном российском царстве», русские летописи и грамоты; 3) описание событий начиная с правления царя Михаила Федоровича и до 1710 г. (200 листов, из них пятая часть отведена описанию Северной войны); источниками для нее были летописи, грамоты, статейные списки, печатные реляции, манифесты, реестры, журнал военных действий Б. П. Шереметева. Особенностью последней части является то, что П.-О. очень высоко оценивает деятельность Петра и его сподвижников, что видно, например, из следующей характеристики: «Зде не Македонского Александра дела, о них же дивляшесь древле страна Македонская и Афинская, но славныя провинции Финская, Ижерская, Лифляндская, Естляндская, Ингерманландская, Ливонская, Корелская, Полская, Литовская, Саксонская, Померанская, Олсатская и прочее и прочее. Вкратце вся Европа и Азия каковых и коль преславных по храбрости и мудрости видели и уведали Александров сами. . .». «История» написана высоким книжным стилем с многочисленными кальками иностранных слов; последнее, как предполагает Г. Н. Моисеева, потребовало приложить к «Истории» «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» (существует отдельная рукопись «Лексикона» с многочисленными поправками Петра I — БАН, 32.6.14).

В 1726 г. П.-О. составил историческую справку о деятельности Московской славяно-греко-латинской академии на основе своих личных воспоминаний. Много занимался П.-О. и переводами с латинского и греческого, в том числе он перевел: патриарха Нектария «О власти папской» (1693 г.); сочинение против католиков Нила Фессалоникийского «О святом Дусе» (после 1693 г.); «Книга хитрости руководства воинам в ратоборстве» Льва Премудрого (1698 г.); несколько поучений Ефрема Сирина, напечатанных в дополнение к Паренесису (1701 г.); *Юрия Крижанича* «Обличение на соловецкую челобитную» (1704 г.); учебник риторики Стефана Яворского «Рука риторическая, пятию частями или пятию персты оукрепленная, в шуйце ея богатство и слава» (1705 г.); «Изъявление армянской литургии» (1708 г.). Одним из наиболее значительных оказался его перевод написанного по-латински географического сочинения Бернарда Варения: «География генеральная небесный и земноводный круги купно с их свойства и действы в трех книгах описующая. Преведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве повелением царского пресветлого величества лета господня 1718 в июне». В основу перевода П. положил амстердамское эльзевировское издание 1664 г. (см. работы Э. В. Лукичевой). Над «Географией генеральной» переводчик работал около трех лет: в апреле 1715 г. он приступил к работе («. . . листов в ней больше 700. И такую надобно преводить многим и тех наук искусным. Однако ж я не отрицаюсь», — писал П.-О. Мусину-Пушкину); к сентябрю 1716 г. перевод был готов (сохранилась рукопись, где указано, что работа выполнена «трудом Федора Поликарпова, справщика типографии»). Первоначальный вариант перевода не понравился Петру, о чем П.-О. сообщил Мусин-Пушкин: «. . . исправь хорошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком. . . высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова». П.-О. исправил работу. Перевод «Географии генеральной» насыщен специальными терминами, кальками латинских терминов (например, «околоостровие» вместо «полуостров»), и все же его значение велико, так как благодаря ему русские читатели познакомились с лучшим географическим сочинением XVII—XVIII вв.

Литературное наследие П.-О. не исчерпывается перечисленными трудами. Он вел обширную переписку с известными деятелями своего времени, — например, с И. А. Мусиным-Пушкиным, *Димитрием Ростовским*, митрополитом Новгородским *Иовом*, архиепископом Холмогорским *Афанасием*. Он стоял у истоков русской периодической печати, редактируя и

подготавливая тексты для «Ведомостей» на протяжении первых лет их издания. Участвовал П.-О. и в создании первого русского гражданского шрифта (1708 г.) У него была довольно большая библиотека, опись которой сохранилась и включает 581 книгу в основном на русском и славянских языках; почти половину библиотеки составляла религиозная литература, были в ней рукописи и иностранные издания.

Соч.: Букварь. . . М., 1701; Лексикон трехязычный. . . М., 1704; География генеральная. . . М., 1718; Грамматика. . . М., 1721; Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное пресвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 16. С. 295—306; Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом: Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715—1717 // Русский архив. 1868, № 7—8. Стб. 1041—1057.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический. СПб., 1827. Т. 2. С. 191—193; Браиловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. № 9. С. 1—37; № 10. С. 242—286; № 11. С. 50—94; Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 2. С. 192—196; РБС: «Плавильщиков—Примо». СПб., 1905. С. 346—351 (фотия В. В. Фурсенко); Якубович Т. Д. 1) «Лексикон трехязычный» 1704 г. (Ф. П. Поликарпова — важное пособие для изучения классических языков в XVIII веке. Л., 1958; 2) Об источниках «Лексикона трехязычного» 1704 г. Ф. П. Поликарпова. Л., 1958; 3) «Лексикон трехязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова. (Источники и состав словаря): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1959; Перанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 210; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 109—112; Луппов С. П. 1) Книга в России в XVII веке. М., 1970. С. 32, 142; 2) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 25, 75, 101, 131, 232—236; Лукичева Э. В. 1) Сравнительный анализ лексики двух русских переводов XVIII века «Географии генеральной» Бернарда Варения: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1971; 2) Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 289—296; Моисеева Г. Н. 1) «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы // Там же. С. 81—92; 2) Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л. 1980. С. 20—30; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976. С. 239, 270, 420; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 167, 187—189; Курлов А. С. Восточнославянские старопечатные предисловия и послесловия конца XVI—начала XVIII в. (Становление национальной филологической мысли). // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 219—220; Ботвинник М. «Откуда есть пошел букварь». Минск, 1983. С. 161—191; Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело. М., 1985. С. 23—38; Описание рукописей собрания Черткова / Сост. М. М. Черниловская, Э. В. Шульгина. Новосибирск, 1986. С. 92—93.

В. К. Зиборова

Половецкий Николай Алексеевич (середина XVII в.) — автор послания, написанного 10 сентября 1654 г. в осажденном Смоленске и отправленного в ставку царя *Алексея Михайловича*. В послании отразились как военные, так и политические проблемы Белоруссии середины XVII в. Автор послания прямо не говорит о своем социальном положении, но по некоторым намекам можно считать его мещанином, а возможно, даже и купцом. Ему приходилось переезжать с места на место, подвергаясь военным опасностям («близу града Львова во всех бедах брани ради и бедне скитахся»), попадать в плен, кажется, к туркам или крымским татарам («три краты в неволи варвар бедствиях сам»), разлучаться с семьей («а жена в Полше с княгинею Вишневецкою»), терпеть наступление польского короля Казимира, моровое поветрие, голод. Семья соединилась в Смоленске, переехав к дяде жены Андрею Ивановичу Борецкому. П. объясняет свое передвижение на восток желанием быть ближе к Руси, однако он не решился, будучи уроженцем юго-западных земель, переселиться к Москве, — «ниже глаголаня и обычая не знающе», — и ожидал прихода русских в Смоленск. Большое место в послании П. занимают конфессиональные вопросы. Он недоволен службой смоленских попов:

«А zde в Смоленску попы церковные, ниже поп, ниже ксендз. . . литоргии же святой треть едва изотче, такожде и утреню, ниже псалтыри, ниже канонов не слышах аз никогда. Всенощного на праздники и не знаша, устав церковный ни во что обратиша, пречистыми тайнами аки ксендз не в ризах, но в кожии до больных людей». Трудно сказать, имеется ли в виду униатская служба или П. описывает краткую и упрощенную службу православной церкви, совершавшуюся в условиях осажденного города. П. — человек начитанный, знающий Священное писание, в своем послании то и дело приводит изречения, скорее не цитируя, а пересказывая их по памяти (например: «Либо писано, ищите прежде царствия Божиего и правды его, а сия вся приложится вам; но неимущему повелено: просите, даст вам, и ищите — обрячете»).

Находясь в гуще военных событий, в осажденном городе, он пересказывает ходящие там слухи: одни ждут прихода польского короля, поэтому боятся сдать город; другие слышали, что царь намерен вырезать горожан. Сам П. готов служить царю, выйти из города и сдать его, но считает более полезным остаться в осаде и увещевать народ покориться. Кончается послание челобитием: «Молю же и аз, умилосердися над не имеющим где главы подклонити с женою и детми. . . на мене, грешном, удиви милость твою, о сем яви человеколюбие твое, повели твое величество ущедрити малым чим по воли своей, да имам пищу и одеяние, где ли волиши, толко умилосердися. . . И аз с женою и с сыном припадающе молимся, ущедри нас не по достоинству, яко, но распятого ради Христа просим, имеюще надежду на благость величества твоего, той же ся и вручаем».

С некоторыми оговорками все послание можно отнести к жанру челобитных, цель его — извлечь выгоду из взятия русскими города. Деловые формулы челобития применяются автором в сочетании с оборотами книжного красноречия. Послание дошло до нас в списке, копии с подлинника белорусского письма, среди прочих челобитных, которые подавали жители белорусских городов — Могилева, Орши, Витебска, Смоленска и др., — излагая условия добровольного их подданства московскому государю. Документы эти попадали в дела походной канцелярии (Походного приказа) царя Алексея Михайловича, которой ведал думный дьяк Посольского приказа Ларион Дмитриевич Лопухин. Затем эти дела передавались в Посольский приказ. В настоящее время послание П. хранится: ЦГАДА, ф. 79: «Сношения России с Польшей», оп. 1, 1654 г., № 6, л. 343—348.

Соч.: АЮЗР. СПб., 1889. Т. 14, № 9/XXVI. С. I—V, 325—330.

Лит.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 480—484, 706—708, 710—711.

М. Д. Каган

Посников (Постников) Василий Тимофеевич (ум. ок. 1710) — дьяк Посольского приказа, дипломат конца XVII в., автор статейного списка. Служил подьячим в Судном приказе в 1660-х гг.; затем дьяком (с 1676 г.) в приказах Казанского дворца, в Малороссийском, Новгородском, Устюжском; в Посольском приказе с 1681 г. П. поручались ответственные дипломатические миссии: в 1670-х гг. он участвовал в посольствах в Польшу, в 1676 г. послан в Вену с сообщением о смерти царя *Алексея Михайловича*, в 1682—1683 гг. направлен в Турцию. П. принимал участие в мирных переговорах с польскими послами в Андрусове в 1684 г. и позднее, в 1686 г., при подписании так называемого «вечного мира». В 1687 г. П. возглавил посольство в Бранденбург, Голландию, Англию и Флоренцию (сохранился статейный список, не опубликован), целью которого было извещение о «вечном мире» Москвы и Польши и получение материальных средств, мотивированных общей защитой против турок и крымских татар (на это откликнулся только курфюрст бранденбургский). В 1688 г. П. с Ф. А. Головиным в Нерчинске участвует в торговых соглашениях с Китаем. В 1699 г. он присутствует в «ответной палате» при приеме в Москве ав-

стрийского посла И. Гвариенте. П. был энергичным, деятельным человеком; нередко он вступал в конфликтные отношения с людьми, но неизменно держался солидного покровителя — сначала М. Ю. Долгорукого, затем В. В. Голицына и Ф. А. Головина. П. отдал своего сына Петра (см. *Постников П. В.*) на обучение в Славяно-греко-латинскую академию, по окончании которой он был направлен в Италию, в Падуанский университет.

Неизданный статейный список П. отличается пространностью и носит преимущественно деловой документальный характер. Из его текста видно, как непреклонно добивался московский посланник соблюдения церемониальных знаков уважения к Русскому государству. Именно в этих целях П. требует торжественности обстановки при вручении государевых грамот и не соглашается на их пересылку; он настаивает, чтобы князья («курфистры»), короли или «господа статьи» приветствовали московского посланника стоя и чтобы при упоминании царствующих особ — Ивана и Петра Алексеевичей и *Софии Алексеевны* — они снимали или хотя бы приподнимали шляпы. Среди условий («статей») посланника постоянно фигурируют ссылки на прием его предшественников, с тем чтобы нельзя было «превысокодостойную честь умалати». Очевидно, посольство имело с собой упоминаемые неоднократно отписки своих предшественников — дипломатов Семена Алмазова, *Петра Потемкина* и др. — для сверки. В статейном списке П. подчеркнута, что посланник и все участники посольства являлись на официальные приемы с саблями; тщательно записано количество солдат или «протазанщиков» в карауле, количество выстрелов из пушек в честь посла и т. п. («били в барабаны, играли на фиолях»). Отмечена сухость приема в Англии, где посланников хотя и принимал король, но не пригласили к столу. Наиболее интересны краткие описания оружейной палаты английского короля, золотой цепи «с запанною» церемониймейстера «Серчалуса», убранства «ответной палаты» с зажженным камином, коврами и завесами, бури на море при переходе из Англии в Ливорно, кораблей («Помогай» и «Иоанн Богослов»). В статейном списке П. видна осведомленность автора в процедуре дипломатических переговоров и в деятельности московского Посольского приказа (при проезде у берегов Испании записано, что «там царского величества послы стоят князь Яков Федорович Долгоруков с товарищи»). При описании пути употребляются разные меры длины: мили, версты и сажени. Представляют интерес топонимические обозначения европейских городов, рек, стран, а также наименования профессий — «шиперы» (шкиперы), «стурмань» (штурманы) и «морские вожи» (лодмейстеры). В XVIII в. статейный список П. вместе с царскими грамотами, отписками посла и расходной книгой был переписан; позднее он вошел в состав Эрмитажной библиотеки (ГПБ, Эрмитажное собр., № 537).

Лит.: Шмурло Е. Ф. П. В. Посников. Несколько данных для его биографии // Учен. зап. имп. Юрьевского ун-та. 1894. № 1. С. 73—238; <Н. В.> Посников В. Т. // РБС. СПб., 1905. Т. 12. С. 630—633; Белов М. И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686—1689 гг.) // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. 1949. Вып. 14. С. 149; Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968. С. 80, № 218; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 426.

О. А. Белоброва

Постников (Посников) Петр Васильевич (ум. после 1716) — дипломат, переводчик, автор Слова на Рождество Христово и писем. Сын В. Т. *Посникова*, дьяка Посольского приказа и внук Т. *Посникова*, подьячего Аптекарского приказа. П. получил образование в Москве, в Славяно-греко-латинской академии, где учился, видимо, не менее 5 лет, судя по его сочинению «Слово на Рождество... Иисуса Христа», поднесенному им около 1689 г. патриарху Московскому *Иоакиму* (текст не опублико-

вался, известен в списке — ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 159—163 об.; не его ли видел П. М. Строев в Синодальном собрании ?); это подносной экземпляр с подписью-автографом в конце: «Блаженства твоего последний раб, но верный и усердный Петр Посников, рече». Это краткое Слово (за которое П. был пожалован высшей наградой — в 3 золотых) показывает знакомство ученика с правилами риторики; оно содержит упоминание Пифагора и ссылку на «Метафизику» Аристотеля (кн. 4, гл. 8). Наряду с обычным восхвалением патриарха автор уподобляет «пространнейшее и благочестивейшее Московское царство» кораблю, а до этого упоминает «корабль нашего разума ко божию познанию». Примечательно, что явление Вифлеемской звезды волхвам П. отделяет от астрологической науки, а идею троичности Высшего Божества иллюстрирует следующим образом: «. . в гуслех три присутствовати видятся: художество, десница, струна, обаче же един слышится звук. Художество поведует, десница прикасается, струна звенит и со струною подобне соделоваются. . .». Все это свидетельствует о приобщении П. к «свободным художествам или наукам» еще в стенах Московской академии. По окончании ее П. в чине стряпчего был послан для продолжения образования в Италию. Здесь в Падуанском университете, где учились когда-то братья *Иоанникий* и *Софроний Лихуды*, П. учился с 1692 г. и в августе 1694 г. был признан доктором медицины и философии. 2 мая 1695 г. П. получил докторский диплом с текстом на латинском языке (перед этим ему пришлось перейти из «юридической» корпорации в «художественную»). П. сделал при этом обязательный дар в корпорацию — передал 9 латинских и греческих книг с латинскими автографами. Он получил в Италии специальные знания и совершенствовался в итальянском, французском, латинском и греческом языках. Дальнейшая судьба П. сложилась таким образом, что он с ведома Петра I широко применял знание языков то при закупке лекарств и книг, то при попытках нанять медиков, то при выполнении дипломатических, главным образом переводческих, поручений Московского двора начиная с участия в «великом посольстве». Все эти закупки, переговоры и переводы П. осуществлял в Европе — в Голландии, Англии, Франции, — изредка попадая в Москву. А. А. Матвеев отзывался о П. с уважением («муж умный и дела европского и пользы государевой сведомый и в языках ученый»). Однако П. не удалось ни заняться интересовавшей его экспериментальной медициной, ни получить пост резидента в Италии или Англии. В Москве (с 1712 г.) П., именовавшийся «доктор или врачефилософ Петр Постников перворожденный» (или его младший брат, также Петр, прозванный «Петр меньшей, дяк»), выполнил переводы сочинений французских авторов, например, Викфора «Посланник и его функции», Дю-Рие «Алькоран Магомета» и др. Привезенный из Италии диплом П. был переведен в 1701 г. с латыни на русский язык *Николаем Спафарием*; перевод сохранился в ЦГАДА, в архиве МГАМИД; латинский оригинал, находившийся первоначально в Аптекарском приказе, в XIX в. затерялся (перевод Спафария издан дважды: Р и х т е р В. История медицины в России. М., 1815. Т. 2. С. 321—323 (прибавления) 143—152; Ц в е т а е в. Медики. . . Приложение IV. С. 54—60). Сохранились письма П. к царю Петру I. Начало одного из писем совпадает с началом «Слова на рождество. . . Иисуса Христа».

Соч.: Б ы ч к о в И. А. Новые материалы для биографии первого русского доктор П. В. Постникова: (Письма его к Петру Великому за 1695 и 1696 гг.) // ЧОИДР. 1911 Кн. 4: Смесь. С. 41—51.

Лит.: Ст р о е в. Словарь. С. 238; Б ы ч к о в А. Ф. Описание перковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 354; Ш м у р л о Е. Ф. 1) П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894; 2) П о с т н и к о в П. В. // РБС: «Плавильщиков—Примо». СПб., 1905. С. 634—635; Ц в е т а е в Д. В. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896; Р а д о в с к и й М. И. Из истории англо-русских научных свя-

зей. М.; Л., 1961. С. 46—47; Лупцов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 128—129.

О. А. Белоброва

Потап Прокофьев Игольнишников (вторая половина XVII в.) — предполагаемый автор сборника проповедей под названием «Статир». Сборник сохранился в единственном списке (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 411), очевидно в автографе, и состоит из следующих частей: «Предсказание о наименовании книги сея»; «Предисловие к читателю»; «Оглавление словес в кнize сей. . .»; первый раздел, включающий 111 поучений, начиная с Пасхи до страстной субботы; «Молитва по совершении первых части»; второй раздел, включающий 44 слова на годовые праздники и разные случаи жизни; «Молитва господу Иисусу Христу по совершении книги сея»; «Оглавление книги сея вторые части. . .»; «Стихи — в них Богу благодарение и на завистников дерзновение»; «Сия стихи к доброму читателю да и к завистливому хулителю»; поучение без номера «на день неделный». Смысл заглавия сборника раскрывается в предисловии, где автор говорит, что статир «есть камень честен, иже в Сирии родится, или четвертая часть златицы, духовне же разумеется статир исповедание слова Божия»; намекая на известный евангельский эпизод (Матф. 17, 27), проповедник сравнивает свои творения, рожденные мятежным разумом, со статуром, извлеченным из уст рыбы.

Хотя сочинитель укрыл свое имя, он точно обозначил время, когда трудился над сборником (8 апреля 1683 г.—20 августа 1684 г.), и сообщил некоторые факты своей биографии: в сане диакона он прожил пять лет в Пыскорском Преображенском монастыре, затем служил священником при церкви Рождества Христова в Соликамске, наконец, обосновался в располотенном в устье Яйвы городке Орле, бывшем в то время административным и культурным центром вотчин Григория Дмитриевича Строганова. Будучи священником в местной церкви Похвалы Богородицы и пользуясь покровительством и поддержкой знаменитого уральского промышленника, он и составил сборник своих проповедей. Указанные события имели место после 1674 г., когда занял кафедру архиепископ Вятский и Великопермский Иона (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 799), согласно предисловию поставивший автора «Статира» в диаконы и священники и благословивший его на переезд в Орел.

В предисловии к «Статиру» едва ли не впервые в русской ораторской прозе возникает образ слушателей, к восприятию которых должен примериваться проповедник, которых он должен убедить своей речью (убеждение — *persuasio* — издревле считалось главной задачей риторического искусства). Когда автор, рассказывается в предисловии, стал читать прихожанам Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона, его не слушали, так как книга была многим знакома, а «человецы обычай имуть всегда новья слышати»; проповеди же *Симеона Полоцкого* были слишком мудреными для его аудитории, не говоря уже о беседах Иоанна Златоуста: «. . .иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху». В сложившейся ситуации писателю не оставалось ничего делать, кроме как испытать свои собственные ораторские способности.

Впрочем, не все в предисловии к «Статиру» можно принимать за чистую монету: по-видимому, к экзордиальной топике нужно отнести жалобы на гонения и насмешки, которым подвергался со стороны жителей Орла новоявленный проповедник. Что автор предисловия не чужд был литературной стилизации, показывают во всяком случае его заявления о своем убожестве и невежестве, соответствующие и даже превосходящие требования писательского этикета: «Поселянин сый и навозгреб, сущий невежа, аще и от правоверных родителей, но от простейших, не от священного корене, ни от славна рода, ибо отца имам усмаря, деда портнягу,

прадеда скотопаса, а больше сих не свем»; «. . .окроме Буквы, Часаслова и Псалтыри, ничто же учих, и то не совершено; грамматикки же ниже слышах, како ея навывают, а зря ее — ано иноязычнами зрится; риторика же ни мало покусихся; а философию ниж очима видах; мудрых же мужей ниже где на пути в лице усретох».

Составитель «Статира» вовсе не так прост, как он хочет представить себя, и это очевидно, если познакомиться ближе с содержанием его книги. Все, кто обращался к проповедям орловского священника, единодушно отмечали замечательную начитанность автора, прекрасно ориентирующегося и в христианской классике (щедрой рукой черпает он в особенности из слов Златоуста), и в современной ему проповеднической литературе (Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона, «Обед душевный» и «Вечера душевная» Симеона Полоцкого); в числе других его источников — слова *Кирилла Туровского*. Автор «Статира» несомненно испытал влияние западнорусских проповедников — не случайно такое восхищение вызывает у него книга Транквиллиона, так что «редкое слово его речей минуло». Чтобы привлечь внимание слушателей, оратор часто вставляет в проповеди занимательные рассказы, обращается к разнообразным историческим, географическим, естественнонаучным материалам. Заслуживает внимания, что он обыкновенно указывает источник того или иного заимствования. Выявленные недавно книги, вложенные Г. Д. Строгановым в церковь Похвалы Богородицы и Воздвижения креста, позволяют восстановить в общих чертах круг чтения подвизавшегося здесь писателя (Н. А. Мудрова).

Атрибуция сборника «Статир» П. П. принадлежит А. А. Введенскому, в изложении которого начальный период жизни орловского проповедника представляется так: П. П. происходил из строгановских дворовых деловых людей Игольнишниковых, в конце 1660-х гг. он бежал из пермских вотчин Строгановых, возглавил в Нижегородском крае восставших крестьян и шел на соединение с отрядами Степана Разина. После разгрома восстания неугомонный П. П. вернулся в пермские вотчины, надеясь поднять людей Строгановых; лишь потерпев неудачу в этой затее, он стал послушником Пыскорского монастыря. По данным А. А. Введенского, П. П. скрывался от преследований под разными кличками и именами — Илько-атаман, Попов, Долгополов и др. Служа священником в Соликамске, П. П. будто бы привлек внимание Строгановых тем, что разоблачал «гнусные методы жестокой эксплуатации бедноты соликамскими конкурентами Строгановых». Тогда-то он получил приглашение в Орел, где и дожил до конца XVII в. Трудно сказать, сколько правды в этой романтической биографии, которую историк дома Строгановых основывает на неопубликованных материалах П. Т. Алексеева и не подкрепляет ссылками на источники.

Посвященная П. П. статья А. А. Введенского «Атаман повстанческого отряда Ст. Разина и поп-еретик на службе у Строгановых в их пермских вотчинах» в свое время не была напечатана и затерялась в архивах. Документально подтверждается следующее: в 1678 г., т. е. за пять лет до работы над «Статиром», при церкви Похвалы Богородицы действительно состоял «поп Потап Прокопиев, у него дети Ивашко да Павлик» (М у д р о в а. Книжное собрание. . . С. 36, примеч. 51), причем происходил П. П. из семьи священника Прокопия Сергеева Игольнишникова (см. М у д р о в а. Библиотека. . . С. 18).

«Статир», замечательный памятник ораторского искусства XVII в., как и биография его автора, нуждается в обстоятельном исследовании и издании. На сегодняшний день из всей рукописи опубликованы только предисловие и отдельные проповеди — в переводе на русский язык и с купюрами, — а также два стихотворения, написанные одиннадцатисложным размером со смежными рифмами.

Соч.: Поучение в неделю шестнадцатую по пятидесятнице // Духовная беседа. 1858. № 35. С. 195—206; Поучение в неделю 23-ю по пятидесятнице // Там же. № 42. С. 65—76; Поучение на преславный день Воскресения Христова // Там же. № 44. С. 150—153; Поучение в день Вознесения Господня // Там же. С. 153—157; Поучение в неделю 26-ю по пятидесятнице // Там же. № 45. С. 161—173; Я х о н т о в И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883; Е л е о н с к а я А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 195—197.

Лит.: В о с т о к о в. Описание. С. 629—633; С у х о м л и н о в М. И. О языкознании в древней России // Учен. зап. Второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1854. Кн. 1. С. 255—258 (перепечатано в кн.: С у х о м л и н о в М. И. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908. С. 434—438 (СОРЯС; Т. 85); Я х о н т о в И. Русский проповедник XVII столетия // Духовная беседа. 1858. № 40. С. 26—38; № 44. С. 141—149; М а л ы ш е в с к и й И. Русский приходской священник-проповедник XVII века // Труды КДА. 1861. № 4. С. 385—466; Е р е м и н И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 349; В е д е н с к и й А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 240—241; А л е к с е е в П. Т. «Статир»: (Описание анонимной рукописи XVII века) // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 92—101; Р о б и н с о н А. Н. 1) Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI—XVII века (Иван Вишенский, Авакум, Симеон Полоцкий) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1974. С. 66—67; 2) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 346; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1: XV—XVIII века. С. 79, № 170; Б у л а н и н Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // РЛ. 1980. № 3. С. 139—140; Д е м и н А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660—1670-х годов: (Формирование литературы массового предназначения) // Русская старопечатная литература (XVI—первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 225, 241 (то же в кн.: Д е м и н А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 161, 178—179); М а с л о в С. И. Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. С. 38, 185—186; М у д р о в Н. А. 1) Книжное собрание Г. Д. Строганова на рубеже XVII—XVIII вв. (К постановке проблемы) // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 28—40; 2) Изучение библиотеки Строгановых второй половины XVI—начала XVIII в. в дореволюционной и советской историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 12; 3) Библиотека Строгановых в Сольвычегодске и на Урале во второй половине XVI—начале XVIII в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Свердловск, 1990. С. 17—18; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 66; Е л е о н с к а я А. С. Новые тенденции в развитии ораторской прозы // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—начала XVIII в. М., 1989. С. 107, 113.

Т. В. Буланина

Потемкин Петр Иванович (1617—ок. 1700) — стольник, составитель статейного списка (совместно с дьяком Семеном Румянцевым) о посольстве в Испанию и во Францию в 1667—1668 гг. Принимал непосредственное участие в русско-польской войне 1654—1655 гг., в том числе в осаде и захвате крепости Люблин; в 1656 г. командовал отрядом, взявшим в том же году шведскую крепость Канцы (Шанцы) в устье Невы, а затем и крепость Орешек. В статейном списке П. о посольстве в Испанию и во Францию помимо официальных сведений о приемах, церемониях, речах содержится лаконичное описание дворцов и садов Севильи, Мадрида, Эскуриала; приводятся титулы испанской знати; дается описание одежды испанцев, их торговли, земледелия и т. п. Путешествие по Франции описано в статейном списке более скупо, хотя посланникам были показаны Париж и его пригороды, Лувр, Версаль, Сен-Клу, театр и гобеленовая мастерская, а также пышный двор Людовика XIV в Сен-Жермене.

Статьейный список дважды переводился на французский язык в XIX в., а на русском языке издавался в отрывках (раздел об Испании) еще в XVIII в., затем в XIX в. и в 1954 г. (раздел о Франции). П. выполнял и другие дипломатические миссии московского правительства: в 1674 г. участвовал в посольстве в Вену, в 1680—1682 гг. был в Париже и Мадриде, затем в Лондоне, где Г. Неллер написал его парадный портрет (копия хранится в Эрмитаже). Последняя его должность перед смертью —

воевода Новобогородицкий (Поволжье). Сохранился портрет Потемкина, хранящийся в ГИМ.

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 4. С. 457—564; М а с а л ь с к и й К. Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию // Сын Отечества. 1850. Кн. 5. С. 1—8; Кн. 9. С. 1—9; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 227—315, 356, 426—441.

Лит.: А л е к с е е в М. П. 1) Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 18—23; 2) Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 19—24.

О. А. Белоброва.

Радищевский Анисим Михайлов (1550-е—конец 1620—нач. 1630-х) — мастер книгопечатного дела в Москве в первое десятилетие XVII в., автор-составитель руководства по военному делу. Основные сведения о его жизни и деятельности изложены в статье М. А. Петрушенко. Р. (в послесловии к Уставу 1610 г. Радошевский) был родом с Украины: в послесловии к Евангелию 1606 г. он называет себя «волынцем». О своем образовании писал: «. . училища мало видех» (см. послесловие к Уставу). Известные о Р. отрывочные биографические данные относятся к периоду его жизни в Москве, куда он приехал в 1586 г. из Литвы. По приезде поселился на Печатном дворе и начал там службу в качестве переплетчика. В челобитной царю Федору Иоанновичу рекомендуется «печатных книг переплетным мастером» и просит выделить дом («пожаловать дворишком»), «чтоб меж двory не волочился». В 1588 г. указом царя «нововыезжий литвин печатных дел переплетный мастер Онисим Михайлов» получил дом в Ругодивской слободе (челобитная и указ хранятся в ЦГАДА, ф. 141: Приказные дела старых лет, 1588 г., ед. хр. № 1, л. 1—2; оубл. А. Гераклитовым). На основании названных документов С. А. Клепиков сделал предположение, что Р. принял участие в организации переплетной мастерской при Московском Печатном дворе (К л е п и к о в С. А. Из истории русского художественного переплета // Книга. М., 1959. Сб. 1. С. 126). Деятельность Р. как самостоятельного печатного мастера проходит в годы правления царя Василия Ивановича Шуйского (1606—1610 гг.). За издание книг он взялся, как сам пишет в послесловии к Уставу, «не своєю бо волею дерзнух на сие и отрещися отнюд не возмогах и делах, елико могох. . .». Наряду с Р. в Москве в эти же годы работали известные издатели-печатники *Иван Невежин* (1603—1611 гг.) и *Никита Фофанов* (1609—1618 гг.). Остается не вполне ясно, являлись ли «штанбы» их раздельными типографиями, или же это были три стана в одной книгопечатне. В связи с этим обращает на себя внимание то, что в изданиях Р., так же как и в двух книгах, выпущенных Иваном Невежиным (Апостол. М., 1606; Триодь постная. М., 1607), выходные даты «от рождества Христова» при переводе на европейское летосчисление вычислены с ошибкой в 8 лет (вместо 5508—5500). Указанные случаи — первая попытка в московских изданиях ввести новое летосчисление. По наблюдениям А. С. Зерновой, в Минее общей 1609 г. Никиты Фофанова 4 из 9 заставок повторяют заставки из Евангелия Р. «Штанба» Р., содержавшаяся, как и станы Ивана Невежина и Никиты Фофанова, за счет государственной казны, была наиболее состоятельной; ее издания отличались самым высоким качеством полиграфической техники.

С 1607 г. Р. начал также — по заказу Шуйского — работу над составлением «воинской книги». По-видимому, с выполнением этого задания связано появление мастера среди служащих Пушкарского приказа. Он стал здесь одним из ведущих технических руководителей, получил звание «пушкарских дел мастера», был сослуживцем знаменитого мастера-литейщика Андрея Чохова, отлившего «царь-пушку». По переписи 1620 г. Р. — житель Пушкарской слободы (см.: Переписи Московских дворов XVII столетия. М., 1896. Перепись 1620 г. С. 7). Р. был одаренным чело-

веком. Архивные документы представляют его как разностороннего специалиста: он принимал участие в отливке колоколов (см.: Там же), строил колодцы, тайники, делал пруды (см.: Забелин И. Е. Дополнения к Дворцовым Разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 3. Стб. 322—323, 340). Р. проявил себя как способный военный инженер: под его руководством проводились фортификационные работы в Путивле и в Калуге (см.: Теплов Л. П. Мастер Анисим Михайлов // Техника молодежи. 1955. № 2. С. 14—16). Последнее упоминание о Р. находится в списке служащих Пушкарского приказа, составленном по документам 1629 г. для включения в «Сметный список» на 1631 г. (см.: ВОИДР. 1849. Кн. 4: «Смесь». С. 26). Без указания фамилии здесь назван «пушкарских дел мастер». М. А. Петрушенко утверждает, что речь идет именно о Р., так как он один только на протяжении всего XVII в. имел это официальное наименование (Друкар. . . С. 248—249).

В книгоиздательской практике Р. был последователем *Ивана Федорова* и *Петра Мстиславца*. В каталоге А. С. Зерновой зарегистрированы два его издания с вариантами типографского набора: Евангелие (М., 1606) и Устав (М., 1610) (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958. С. 24—25, № 27, 28; описание Устава см. также: Строев П. 1) Описание старопечатных книг славянских. . . Ивана Никитича Царского. М., 1836. С. 48—54 — здесь же публикация предисловия; 2) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских. . . Федора Андреевича Толстова. М., 1829. С. 124—128 — здесь же опубликовано послесловие; Родосский А. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1891. С. 66—68). В ГИМ имеется особый экземпляр Устава: в нем вместо послесловия на л. 233—238 (пятого счета) находится «Предисловие надписанию пасхалии».

Остается неизвестным, какую именно работу выполнял мастер при печатании своих изданий. По мнению А. С. Зерновой, «принимая во внимание разнообразие познаний Радишевского в разных видах мастерства, можно допустить, что. . . он был и словолитцем, и гравером, и печатником, или по крайней мере был превосходным руководителем всех работ» (Зернова. Орнаментика. . . С. 17).

В обоих изданиях Р. был автором послесловий, написанных от первого лица. На фоне господствовавшей в XVII в. в русском книгопечатном деле традиции анонимности их отличает ярко выраженное личностное начало. Содержащееся в послесловиях указание на имя издателя («мастерством многогрешнаго Анисима Михайлова сына Радишевского волынца и прочих любезно трудившихся», «книжного печатного дела мастера Анисима Михайлова сына Радошевского») сближает издания Р. с продукцией первых русских печатников (*Иван Федоров*, *Петр Мстиславец*, *Андроник Невежа*). Послесловия называют также имена инициаторов изданий (*Шуйский*, патриархи *Иов* и *Гермоген*), содержат сведения об обстоятельствах и времени печатания книг, традиционную просьбу к читателям о снисходительном отношении к недостаткам труда. Представляет интерес и предисловие к Уставу; в нем примечательны строки о том, что книга печаталась в «граде Новом Роме — Москве». Здесь же толкуется название книги: «Око умное, сиречь добрый разум просвещающе его всем добрым делом»; определяется место Устава среди других книг: в церковном обиходе он — «вождь»; сообщается история происхождения, бытования, состав книги, мотивировка настоящего издания: «От многих бо лет сия книга, егда от греческаго языка на словенский преведена и мнози преводницы или преписующей или изронища, или в чем погрешипша», поэтому книга для настоящего издания была исправлена «с прилежным усердием» и напечатана «во общую духовную пользу». В Устав вошли слова и поучения апостолов, а также византийских и славянских писателей: *Евфимия*

Великого, Иоанна Дамаскина, Саввы Освященного и др. Из предисловия Герасима Смотрицкого к Острожской библии 1581 г. здесь заимствовано рассуждение о функции и форме книжных предисловий, а также некоторые формулы в послесловии Устава.

Издания Р. большого формата, роскошно оформлены, их крупный шрифт, напминающий по рисунку уставное письмо, очень сходен с тем, каким набраны виленские издания Мстиславца (Евангелие 1575 г., Псалтирь 1576 г.). В подражание шрифту Р. мастер Кондрат Иванов отлил впоследствии шрифт, который получил название «большого евангельского» (см.: Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М., 1913. С. 41). Издания Р. свидетельствуют о качественно новом уровне полиграфического мастерства в русском книжном деле. Он достигнут применением искусной техники гравирования и печатания. Вырезанные с большой тщательностью доски заставок, гравюр и инициалов давали ясные и четкие отпечатки благодаря использованию высококачественной бумаги (филиграни: в Евангелии — виноград, лилия, литеры «RG», царский венец; в Уставе — виноград и лилия; см.: Герасимов. № 1, 2, 35—38, 957, 958, 1007, 1474, 1477, 1483—1484). Бумага с филигранью «царев венец», употребленная для Евангелия, была самой дорогой: по данным А. А. Покровского, в 1638 г. за стопу такой бумаги заплатили 1 рубль 3 алтына 2 деньги, в то время как средняя цена за бумагу была 20—23 алтына за стопу (см.: Там же. С. 44). Печать в книгах Р. — с применением киновари.

Художественное оформление изданий Р. изучено А. С. Зерновой и А. А. Сидоровым. В великолепных заставках и инициалах проявились и типично московские приемы, и глубоко оригинальные, своеобразные черты: обилие цветочного орнамента, заполненность им всего пространства гравюры, сердцевидная фигура, расположенная заострением вверх, включение маргиналий в так называемые «цветки». Особой нарядностью и пышностью оформления отличается Евангелие. Включение в него четырех фронтисписных гравюр с изображением евангелистов с их символами (по типу рукописных евангелий) явилось новшеством в московском книжном деле. Предшествовавшие настоящему изданию три анонимных евангелия (ок. 1555, ок. 1560, ок. 1564) не имели фронтисписных изображений. В гравюрах Евангелия господствует декоративный принцип. Отдельные экземпляры его расцвечивались художниками для поднесения сановным лицам. Лучший из них и по качеству раскраски, и по сохранности находится в Отделе редких книг ГБЛ (инв. № 2242): в нем гравюры, заставки, вяз, инициалы покрыты красками и золотом. Разрисовка сближает гравюры с миниатюрной живописью рукописей. Элементом художественного убранства раскрашенного экземпляра являются так называемые «предохранители» — бумажные рамки, украшенные орнаментом, с помещенными в них шелковыми прокладками. Парадный экземпляр предназначался, по мнению А. А. Сидорова, для поднесения царю В. И. Шуйскому (Древнерусская книжная гравюра. . . С. 154—159). В одном из экземпляров Евангелия, хранящемся в ГБЛ и происходящем из библиотеки Соловецкого монастыря, имеется интересная вкладная запись, сделанная вскоре после издания — в 1607 г. В ней говорится о продаже книги в Соловецкий монастырь, описан ее внешний вид, сорт бумаги, указана цена: «Евангелие печать московская, бумага браная царев венец, облочен бархатом, кармазин по атласу черчатому грады черных и на нем евангелисты серебряны. Москвитин торговый человек Гаврило Елеуферьев сын Москатиннин по своей душе вкладом за пять рублев с четвертью».

Напечатан в 1610 г. Устав, Р. впервые осуществил издание свода церковных законов. Объем книги — 1266 листов. Это было самое монументальное издание в русском книжном деле, начиная от его истоков и включая весь XVII в. Печатание его заняло длительный период — 3 года

и 3 месяца. Устав, как и Евангелие, напечатан тщательно и красиво, но оформление его более строгое. В правление первого царя из династии Романовых *Михаила Федоровича* Устав подвергся цензурным гонениям со стороны церковных властей: в нем были замечены неточности и нововведения, допущенные «самовольством» редактора, уставщика Троице-Сергиевой лавры, «вора» и «бразжника» *Логгина Коровы*. По указу патриарха *Филарета* экземпляры Устава были повсюду изъяты и сожжены (см.: М а к а р и й, митрополит. История русской церкви СПб., 1882. Т. 11: Патриаршество в России. Кн. 2. С. 47). К настоящему времени от всего тиража Устава (при обычном тираже в XVII в. 1200 экз.) сохранилось более 30 экз., в то время как Евангелия — около 60 (см.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации. М., 1982. С. 26, 29). Издания Р. принадлежат к лучшим образцам отечественного книжного искусства.

Р. составил также руководство по артиллерийскому делу «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». Начав работу над ним при Шуйском, повелевшем «сию книгу с немецкого и латинского языков на русский перевести», он закончил ее уже «при державе» царя *Михаила Федоровича* в 1621 г. Опубликован же «Устав» был лишь в XVIII в. по приказу Г. А. Потемкина известным издателем В. Г. Рубаном (СПб., 1777—1781). На титульном листе указано: «. . .выбран из иностранных военных книг». Одним из источников явилась книга немецкого военного писателя и инженера Л. Фронспергера (*F r o n s p e r g e r L. Kriegsbuch. Franckfurt am Mayn, 1571—1573*). В рукописи, по которой сделана публикация Рубана, составитель назван «Онисимом Михайловым». Вопрос об авторстве Р. был окончательно решен благодаря найденной М. А. Петрушенко рукописной копии «Устава» (середина XVII в.), в которой полностью названо имя автора: «Анисим Михайлов, сын Родопевский» (Друкар. . . С. 217). Современные военные историки оценивают «воинскую книгу» Р. как труд, положивший начало военно-технической литературе в России (см. об этом у М. А. Петрушенко).

Соч. (типографские работы): Евангелие. М., 1606; Устав. М., 1610; Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. . . СПб., 1777—1781. Ч. 1—2. *Лит.*: С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 104—106; Г е р а к л и т о в О. До біографії Онисима Михайловича Радішевського // Бібліологічні вісті. Київ, 1926. Ч. 1 (10). С. 63—64; Р а й н о в Т. Наука в России XI—XVII веков. М.; Л., 1940. С. 288—371; С и д о р о в А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 145—159; З е р н о в а А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 16—17; П е т р у ш е н к о М. А. Друкар XVII сторіччя Онисим Радішевський // Українська книга. 400 років: 36. ст. / Відповід. ред. І. М. Педанюк. Київ; Харків, 1965. С. 209—219; К а м е н е в а Т. Замечательный мастер // Культура и жизнь. 1970. № 10. С. 47—48; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 341; Е п и ф а н о в П. П. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 275—276; Н е м и р о в с к и й Е. Л. 1) Онисим Михайлов Радішевський // Русская речь. 1984. № 1. С. 79—87; 2) «Четвероевангелие» Анисима Радішевського // Полиграфія. 1990. № 1. С. 51—52; И в а н о в а Ж. Н. Издания Анисима Радішевського в собраниях ГИМ // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 119—138.

Л. И. Сазонова, А. Н. Гусева

Ржевская Соломонида (конец XVI—нач. XVII в.) — служительница царевны *Ксении Борисовны Годуновой*, автор письма из осажденного польскими интервентами Троице-Сергиева монастыря. Р. принадлежала к знатному роду дворян-царедворцев Ржевских, бывших при царе *Борисе Годунове* окольными и думными, но в правление Василия Шуйского и «семибоярщины» (1610—1611 гг.) перешедших на сторону польского короля Сигизмунда III и королевича Владислава (см.: АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 311—VI). Служительницей Ксении Борисовны Годуновой Р., очевидно, стала после того, как в конце 1605 г. дочь царя Бориса Году-

нова была пострижена в монахини (под именем Ольги; в письме она именуется Ольгой Борисовной) и выслана Самозванцем из Москвы. Феофана Савиновна Ржевская, «матушка» Р., к которой адресовано письмо, так же как и дочь (очевидно, после дворцовых перемен), проживала в монастыре («на Новоманастирском дворе»), как рядовая монашка, в стесненных условиях, не имея прислужницы («жоночки или девьки»).

Письмо Р. датируется 6 июля 1609 г. («после Петрова дни») и отправлено из осажденной войсками Сяпеги и Лисовского Троице-Сергиевой лавры, т. е. относится ко времени героической 16-месячной обороны крепости и представляет ценность как исторический документ, как свидетельство очевидца событий о состоянии защитников крепости на одиннадцатом месяце осады. Письмо написано в середине лета после перенесенной защитниками тяжелой, голодной зимы и мора, гибели многих осажденных от цинги. Р. утешает мать («. . . а нету мне, государыня-матушка, здесья никоторыя нужи, Ольги Борисовны милостью»), описывает «крепкой. . . приступ», бывший «в канун Петрова дни» 1609 г. с «огневым боем», пушечным обстрелом крепости «огнянками» и уничтожением «многих воров». В письме Ксении Годуновой к ее тетушке о тяготах осады говорится гораздо откровеннее, но и письмо Р. свидетельствует о высоком патриотическом настрое и героической стойкости защитников, предпочитавших умереть, но не сдаваться: несмотря на то что летом мор среди осажденных и «унелся», людей в крепости осталось меньше трети («а не осталось людей ни трети»). Через мать Р. пытается передать писавшему ей Макарию Карякину, что «Федор Карьцов жив, а Кашпиров, сын Дмитрий, умер», и «схоронить» его было не на что, если бы не «пожаловала» им на похороны рубль царевна Ольга Борисовна. К моменту написания этого письма почтовая связь Троице-Сергиева монастыря с внешним миром уже была нарушена, и письма перехватывались поляками. Р. жалуется: «. . . а мне, государыня-матушка, от тебя грамотка не бывала от Великаго мясоеду до Петровых заговень». Письмо Р. (так же как и письмо Ксении Годуновой) не дошло до адресата.

Подлинник письма, писанный столбцом и сложенный пакетом, на котором написан адрес, имеет помету на польском языке, свидетельствующую, что письмо было задержано и прочитано врагами, а затем (очевидно, при освобождении Троице-Сергиева монастыря войсками М. И. Скопина-Шуйского в союзе со шведами) попало в архивы Швеции. Письмо Р. соблюдает все основные трафаретные формулы эпистолярного стиля XVII в. и в то же время сохраняет оригинальные черты русской речи.

Соч.: АИ. Т. 2. № 182—II. С. 213.

Н. Ф. Дробленкова

Романчуков Алексей Саввич (Савинович) (первая половина XVII в.) — поэт «приказной школы». Он был сыном известного московского администратора Саввы Юрьевича Романчукова, служившего дьяком (по-видимому, Денежного двора) уже в 1610—1611 г., затем, в 1614 г., получившего за «Московское осадное сиденье» вотчину в 80 четвертей в Ярославском уезде. Потом Савва Романчуков был дьяком в Новгородской чети и одновременно в Посольском приказе (упоминается еще 21 октября 1625 г.; вскоре, очевидно, умер). Его сыновья Р. и Василий были в 1627 г. «стряпчими с платьем», а Иван и Юрий — патриаршими стольниками. Среди них самой яркой фигурой был Р.

Быстро поднимаясь по служебной лестнице, Р. в 1636 г. был назначен посланником в Персию. Русская миссия съехалась с миссией голштинской 3 сентября под Самарой; далее русские и голштинцы путешествовали вместе. Адам Олеарий оставил подробную характеристику Р.: «Этот русский, посланный великим князем московским к персидскому шаху в качестве малого посла, более для того, чтобы блюсти за нашим делом

и нашими отношениями, был человек лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку; он просил, чтобы мы помогли ему в изучении этих предметов, и в Персии, где мы были вместе, а особенно на обратном пути он прилежными занятиями, постоянными разговорами и упражнением в продолжение 5-ти месяцев сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, свои душевные мысли. Он также быстро и с охотою уразумел употребление астрологии и все то, что относится до высоты солнца, часов и геометрии. Нашему часовщику он заказал сделать астрологию, и когда, бывало, мы останавливались на ночлег в каком-нибудь городе или селении, особенно же в Астрахани, он выходил с этой астрологией для упражнений на улицу и рассказывал людям высоту домов и других зданий, что чрезвычайно удивляло русских» (ЧОИДР. 1869. Кн. 1, отд. IV. С. 464—465).

Р. сошелся с голштинцами на почве не только наук, но также искусств. В альбоме записей и рисунков, который принадлежал участнику миссии доктору медицины Гартману Грамману (он перешел впоследствии на русскую службу и был при кончине царя *Михаила Федоровича*), есть карандашный, прекрасно сохранившийся портрет человека лет тридцати в русском платье и с русскими чертами лица (ГБЛ, собр. Норова, № 40, л. 46 об.). Это, несомненно, Р. (рисовальщиком, видимо, был посольский художник Дитрих Ниман, умерший на пути из Персии). Непосредственно за портретом (на л. 47—47 об.) помещен автограф Р., сделанный 15 января в Касвине «для памяти дружелюбныя Голштенския земли дохтура Артьмана Грамба». Автограф начинается «относительно-силлабическими» виршами с акrostихом — типичным альбомным стихотворением с добрыми пожеланиями. Поэтические упражнения были естественными для обеих миссий: среди голштинцев находился Пауль Флеминг, крупнейший поэт немецкого барокко, посвятивший несколько сонетов Москве (потом их переводил А. П. Сумароков). Русскую миссию возглавлял Р., тоже поэт.

Он известен скорее как любитель книжного стихотворства: дружеские послания адресовали ему справщик *Савватий* и *Михаил Злобин*. Но и сам Р. кроме альбомных вирш оставил еще одно стихотворение. Оно по акrostиху («Алешка Раманчуков») легко извлекается из сохранившейся во многих списках компиляции «Послания многоразлична, а в них описует имена отлична». Принадлежащие Р. строки отмечены глубоким пессимизмом:

Аз же отгоним бываю сего света,
лишаются дни мои и кончаются лета,
Ерихона животного стены разрушаются,
шумения гласящих труб на торжищи приближаются. . .

Это, быть может, предсмертные стихи. Существует [предположение, что вскоре по возвращении из Персии в 1638 г. Р. отравился (ему грозила опала, ибо царь был разгневан результатами переговоров). Но достоверных сведений о самоубийстве Р. нет. Возможно, он умер от «студеной дорогуши», болезни почек, которой страдал во время путешествия в Персию и от которой его лечил Гартман Грамман.

Соч.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 35—42, 46—48, 242—243.

Лит.: РБС: «Романова—Рясовский». Пгр., 1918. С. 53—54 (ст. о Савве и Алексее Р. написаны А. Виноградовым); Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.: Л., 1946. С. 93—94, 128, 292; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. М., 1975. С. 451.

Савва Долгий (в иночестве Симеон) (вторая половина XVII в.) — священник, возможно, автор Покаянного исповедания. С. Д. был сподвижником, а возможно, и учеником *Сильвестра Медведева*, разделявшим его взгляды на богословско-литургический вопрос о времени пресуществления святых даров (таинстве евхаристии). Однако за этим вопросом стояла более широкая проблема о характере организации на Руси школьного дела, разделившая русское образованное общество на две партии — старомосковскую во главе с патриархом *Иоакимом* и приехавшими в 1685 г. в Москву из Венеции братьями *Иоанникием* и *Софронием Лихудами*, сторонницу греческого образования, и западную, ратовавшую за обучение москвичей по латинскому образцу; к последней относился Сильвестр Медведев и его единомышленники.

О С. Д. известно только из розыскного дела Сильвестра Медведева и из подписанного им Покаянного исповедания, автором которого, он, возможно, и не был («К сему моему истинному исповеданию аз недостойный и многогрешный Симеон во извещение правды руку приложил»: — Прозоровский). Сильвестр Медведев. С. 359, примеч. 182). Из этих документов видно, что С. Д. тогда уже, в 1688—1689 г., монах Симеон, часто посещал Сильвестра Медведева, читал его сочинения и учил других. Он же распространял среди «священников и простецов» вышедшие из круга Сильвестра полемические сочинения, направленные против братьев Лихудов. А. Прозоровский считает, что в их число прежде всего входит произведение, известное под названием «Обличение на новопотаенных волков», названное *Евфимием Чудовским* «Неистовобреханием». Как показал при розыске старец Арсений, оно было переписано в трапезной келье Сильвестра в 40 тетрадей, а затем распространялось С. Д.

Нет никаких данных о том, что С. Д. был арестован вместе с Сильвестром Медведевым и что ему были предъявлены политические обвинения. Его имя фигурирует в розыскном деле только в показаниях старца Арсения. Но он был подвергнут вместе с Сильвестром церковному суду. Его Покаянное исповедание написано в декабре 1689 г., как считает Прозоровский, тем же лицом, которым написано Покаянное исповедание Сильвестра Медведева, на что указывают текстуальные совпадения ряда мест. Покаянное исповедание С. Д. целиком ориентировано на Покаянное исповедание Сильвестра. Так, в нем осуждается сочинение Сильвестра «Манна»: «. . . наполнена всякия прелести душегубительния. . . обманна, отрава, чаровница, губительница, яд скорпиев» (у Сильвестра — «не есть Манна, но православных обманна и прелесть, не хлеба животного манна, но яда душегубительнаго исполнена отрава»). Несмотря на сходство, Исповедание С. Д. меньше по объему и примитивнее стилистически по сравнению с Исповеданием Сильвестра Медведева. Возможно, в Исповедании С. Д. как-то отразились истинные черты его биографии: он, по-видимому, еще будучи попом, «в мятежное время страдал от раскольников церковных». Оба Покаяния были написаны в Троице-Сергиевой лавре, из чего следует, что С. Д. находился там вместе с Сильвестром Медведевым, однако дальнейшая его судьба неизвестна.

Покаянное исповедание С. Д. распространялось в конце XVII в. в списках сборника, составленного Евфимием Чудовским из материалов, посвященных вопросу о времени пресуществления святых даров и связанной с ним полемике. Сборник этот известен под названием «Остен» — от слова «остны»: «Словеса святых и мудрых, яко остны, к ним же прати кому жестоко есть» (см., например: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 424, 429).

Соч.: Остен. Казань, 1865. С. 104—111.

Лит.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 554—555, 705—706; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 296, 353, 354, примеч. 154, 359—362, 577—584.

М. Д. Казан

Савватий (первая половина XVII в.) — справщик Печатного двора, монах, поэт «приказной школы». Его имя известно из акростихов, которыми начинались некоторые из его посланий («чернец Саватище», «чернец Саватий»). Из стихотворных посланий обнаруживается причастность С. к Печатному двору. По приходно-расходным книгам Книжной справы чернец С. служил справщиком с сентября 1634 г. по сентябрь 1652 г. с окладом в 35 рублей. Возможно, до этого он состоял в причте одной из дворцовых церквей, как он сам пишет в послании к царю *Михаилу Федоровичу* («. . богомолец твой государев царев, прежебывшей у тебя, государя, служитель олтарев»), но, по-видимому, овдовев, постригся в монахи.

Справщики Печатного двора обычно избирались из монастырской братии и служителей московских храмов, получали специальную подготовку и составляли затем особую корпорацию, интеллектуальную элиту черного и белого духовенства. Социальное положение их было двойственным: с одной стороны, они являлись приказными чиновниками, находящимися в ведении Большого дворца, с другой — церковными деятелями, занимавшимися выпуском церковных книг и подлежащими патриаршему контролю. Работа на Печатном дворе при патриархе *Иосифе* (1642—1652 гг.) становится особенно интенсивной, богослужебные книги подвергаются значительным исправлениям грамматического и фактического характера, вносятся новые статьи, предпринимаются сокращения, справщики сверяют тексты изданий с переводными рукописными книгами, ставится вопрос о необходимости обращения к греческим оригиналам. Иосифовские справщики были образованными книжниками.

Как видно из стихотворных посланий С., он подвизался также и на педагогическом поприще домашнего учителя. Его ученик князь Михаил Никитич Одоевский — сын боярина *Никиты Ивановича Одоевского*, посла в Польше, главы Казанского и Сибирского приказов, а впоследствии и Комиссии по составлению Уложения, — умер молодым в 1653 г.

Причина отстранения С. от печатной справы в 1652 г. с приходом к власти патриарха *Никона* неизвестны. Делались попытки объяснить его увольнение вместе со справщиком *Иоанном Наседкой* их недоброжелательным отношением к реформе Никона и связями с одним из главных деятелей раскола *Иваном Нероном*. В *Житии Ивана Неронова* упоминается его друг отец Савватий, умерший между 1652 и 1655 гг., могилу которого в Покровском монастыре в Москве посетили Иван Неронов, будучи уже иноком Григорием, а затем и Никон (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина, М., 1875. Т. 1. С. 145, 158—159). Однако достаточных доказательств для отождествления справщика С. с отцом Савватием, упоминаемом в *Житии*, не приведено.

Справщик С. — представитель «приказной школы» поэтов, сложившейся в 30-х гг. XVII в. и просуществовавшей два десятилетия. Книжная справа была литературным центром, вокруг которого эта школа объединялась. В нее входили прежде всего приказные служащие — монахи-справщики, связанные друг с другом служебными и личными дружескими отношениями. К ней принадлежали и аристократы, и представители знатных приказных родов, но большинство из поэтов — *Петр Самсонов*, *Стефан Горчак*, *Михаил Злобин*, *Ермолай Азанчеев*, Иван Наседка, — как и С., люди незнатные. Их поэтическая деятельность носила в основном неофициальный характер и состояла в регулярном обмене обширными посланиями.

С. обращался со стихотворными посланиями к разным лицам. Кроме собратьев по перу среди его адресатов встречаются представители придворных кругов (Иван Никитич Романов, дядя царя; Никита, царский духовник; Василий Сергеевич Прокофьев, учитель царевича *Алексея Михайловича*; князь *Семен Иванович Шаховской*, сам царь Михаил),

а также верхи приказной аристократии (дьяк Василий Львович Волков, к которому С. обращался за посредничеством, ища службы; Алексей Михайлович Львов, стольник, кравчий, а затем начальник Приказа Большого двorca и Печатного двора, благодаря которому С. стал справщиком). Их имена читаются в акrostихах, но часто раскрываются из анаграммы, например: «Прикладом же дукс именуется, пред царем же государем говорит, не обинуется. Рождьшего же имеет тезоименита лицу Божию, и всегда покланяется царскому подножию. По реклу же именит твоему отцу. . .» — в послании Василию Львовичу Волкову речь идет об Алексее Михайловиче Львове.

Часть стихотворных посланий С. написана по чисто житейским поводам — это ходатайство о должности, рассуждения о дружеских отношениях между поэтами и о разногласиях между ними, два наставления учителя ученику под названием «Прещение вкратце о лености и нерадении всякому бываемому во учении» и «Азбука отпуская тебе, моему ученику». Послания могли и вовсе не иметь определенного содержания, ограничиваясь триадой: приветствие, прошение, подпись. В стихах С. отразились современные ему события, собственные его взгляды и литературные интересы. В них можно найти суждения об отношении к иноверцам как отголоски идеологической полемики, связанной с приездом в Москву датского королевича Вольдемара и состоявшимися диспутами о лютеранстве. Одно из стихотворений С. посвящено работе справщика. Обвиненный в ошибках, он оправдывается, ссылаясь на трудности своей работы. Перу С. принадлежит «Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу», в котором неравносложными стихами изложена вкратце история византийских императоров в строгом соответствии с *Хроникой Георгия Амартола*. За «Предисловием» должен был следовать прозаический текст Хронографа, к которому стихи должны были служить не только предисловием, но и подробным оглавлением. Другое произведение С. «Слово о прелестнем сем и видимом нами свете и о живущих всех нас человек в новом сем завете» и связанные с ним нравоучительные стихотворения «О свете», «О плоти», «О утробе» развивали традиционную для христианской культуры тему суетности и бренности человеческой жизни. «Предисловие» и «Слово» С. хотел видеть напечатанными и просил об этом царя. Однако стихи С. напечатаны не были и известны только в рукописях.

Стихотворения С. — неравносложные вирши с парной грамматической рифмой, чаще всего глагольной. Рассуждения об «остроумии», «остром разуме», занимающие в них большое место, означали умение пользоваться «витийным», поэтическим языком, противопоставленным простому, «грамматическому» языку. Пристрастие к акrostиху («краегранесию», «начало-строчию») также было признаком изысканной манеры. Излюбленным приемом С. становится принятое в приказной школе стихотворцев уподобление, традиционное для византийско-славянской книжности. Так, в послании к *Алексею Романчукову* темы мудрости и философии вызвали ряд ветхозаветных ассоциаций: олень «течет» на водные источники — разумный муж на благое словеса, солнечный свет разгоняет тучи — мудрый человек разрешает недоумения и пр. Литературные источники С. обычные для православного книжника — Псалтирь, Притчи Соломона, Новый завет, писания отцов церкви, *Физиолог*, *Азбуковник*, *Пчела*, откуда черпались скрытые и прямые цитаты. Из отечественных писателей авторитетом являлся *Максим Грек*.

Литературное наследие справщика С. дошло до нас в рукописных сборниках, как правило в сборниках виршевых посланий первой и второй половины XVII в.: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380; ГИМ, собр. Барсова, № 470; Чудовское собр., № 359/57; ЦГАДА, ф. 181, собр. Оболенского, № 250/455; БАН, Архангельское собр., № 527.

Соч.: Лопарев Хр. Описание рукописи Московского Чудова монастыря, № 57—359, л. 11—15 // ЧОИДР. 1886. Кн. 3, отд. V. С. 6—9; Шептаев Л. С. Стихи

справщика Савватия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 5—28; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. 2-е изд. Л., 1970. С. 73—84. Б-ка поэта. Б. сер.; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 39—75, 248—259.

Лит.: М а н с в е т о в И. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883. С. 13; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1890. № 9—10. С. 457; 1891. № 1—2. С. 149—152; Д е м и н А. С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках виршевых посланий // ТОДРЛ. Т. 21. С. 74; П а н ч е н к о А. М. Книжное стихотворство // История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 360—361.

М. Д. Казан

Самсонов Петр (первая половина XVII в.) — поэт «приказной школы». Источники упоминают его с 1615 г., когда С. был дозорщиком в Вологодском уезде. В 1625 г. С. подъячий, с 28 сентября 1638 г. дьяк Патриаршего дворцового приказа. Принадлежал к семье, занимавшей видное место в среде московской администрации XVII в. (до десятка Самсоновых служили дьяками и подъячими в столице и в провинции).

По рукописям выявлены 10 стихотворных эпистолий С., из которых 6 опубликованы. Из этих текстов явствует, что С. какое-то время был в ссылке в глухой провинции — «в концах вселенных», как он выражается. Некоторые авторские намеки позволяют предположить, что причиной опалы С. было его поведение в Смутное время. В некоторых эпистолиях С. просит своих московских доброхотов «печаловаться» о нем перед царем *Михаилом Федоровичем* и позаботиться о «преселении» ссыльного поэта в Москву. В конце концов С. добился своего. Занятия стихотворством он продолжал и в столице: некоторые послания, безусловно, написаны здесь.

В акростихах, в частности, названы имена и отчества адресатов. Из них пока удалось более или менее уверенно отождествить только одного: два послания С. направил некоему Михаилу Стефановичу, — по-видимому, протопопу собора Черниговских чудотворцев и справщику Печатного двора *Михаилу Стефановичу Рогову*, также стихотворцу. Как поэт С. вполне вписывается в рамки тех эстетических законов, которые исповедовала «приказная школа». С. заботится прежде всего о стихотворной технике, которой владеет довольно хорошо. Эпистолии С. читаются в рукописях: ГИМ, собр. Барсова, № 470, л. 19—21; Чудовское собр., № 359/57, л. 11—13; ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 249 (330)—260 об. (340 об.). В Музее истории религии и атеизма хранится экземпляр Острожской библии, проданной С. в 1619 г. (Б у л а н и н Д. М. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков Музея истории религии и атеизма в Ленинграде // Научно-атеистические исследования в Музеях (Л., 1986. С. 31).

Соч.: П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 263—269.

Лит.: П а н ч е н к о А. М. Несколько замечаний о генеологии книжной поэзии XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 241—243; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVIII вв., М., 1975. С. 462.

А. М. Панченко

Серапион (ум. 1653) — архиепископ Суздальский и Торусский, автор грамот и «сказки». В 1618 г. был поставлен игуменом Ярославского Толгского монастыря, которым руководил до своего поставления в 1634 г. архиепископом Суздальским, занимал эту кафедру до смерти (память его чтится 25 февраля). О жизни С. сообщается в посвященной истории Суздаля работе *Анания Федорова*, ключаря Суздальской соборной церкви. Там же узнаем об участии С. в росписи соборной церкви «стенным письмом» и строительстве храмов во имя святых чудотворцев епископов Суздальских *Иоанна* и *Феодора*; после смерти он «положен бысть в соборной церкви

у первого левого столба». С. поучал христиан своей епархии, рассылал грамоты разнообразного содержания: о выборах игуменья в Покровском монастыре с увещеванием не ссориться (1636 г.), о соблюдении церковного благочестия (1642 г.). Среди небогатого письменного наследия С. выделяется «Сказка Суздальского архиепископа Серапиона и допросные речи Спаса-Ефимиева монастыря архимандрита Иосифа с братъею о земляном вале в Суздале» (9 и 10 апреля 1643 г.), где находятся ценные сведения по истории Суздаля: «Строение тот вал изстари Суздальских Великих князей, в старину де по нем был другой город. . . А в прошлом во 149 году, как был в Суздале у селестренного дела князь Иван Шахматов, и городу и тому валу чертеж к Москве в Пушкарский приказ послал. . .». С. проявлял интерес к церковно-литургическим вопросам: ему направлено Послание о единогласии священника *Агафоника*.

Соч.: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 345—346, 382—385.

Лит.: Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале / Ключаря тамошнего собора Анагия Федорова // ВОИДР. 1855. Кн. 22. С. 5—6, 34—35, 116—117; Ф и л а р е т. Обзор. С. 2²⁰; Р у м я н ц е в а В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37, 60.

В. К. Зиборов

Сергий (XVI—нач. XVII в.) — инок Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, один из авторов службы Даниилу Александровичу, *Жития Романа Владимировича* и службы ему. Точные биографические данные о С. отсутствуют. В. О. Ключевский предположительно отождествлял его с архимандритом Переяславского Данилова монастыря Сергием, настоятельство которого относится к 1579—1586 гг. (см.: Ст р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 667; Д о б р о н р а в о в В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. С. 32; Прилож. С. 33—40).

В соавторстве с С. Р. Алферьевым-Бездниным С. по благословению патриарха *Иова* написал службу Даниилу Александровичу. Позднее, вероятно, после открытия и перенесения мощей этого святого в 1652 г. (согласно Амфилохию, в 1682—1690 гг.), она была переработана и в таком виде дошла до нас. В службе Даниилу Александровичу, составленной по традиционной схеме, есть примеры рифмованной прозы; встречающиеся здесь метафоры и сравнения довольно однообразны (так, святой называется светлым либо пресветлым светильником, светильником света; сравнивается со светом, с «незаходным», светлущим солнцем). Но трудно решить, принадлежат ли эти выражения С. Р. Алферьеву-Безднину и С. или же редактору конца XVII в.

Из описания чудес Романа Владимировича (начиная со свершившегося 2 марта 1605 г.) известно, что вместе с С. Р. Алферьевым-Бездниным С. «сотворил» стихиры и каноны этому святому; в результате их «тишания и трудов» возникли его житие, а также повествование о первых «преславных чудесах» («проявления» их начались 3 февраля 1605 г.); однако названные сочинения погибли во время «литовского» разорения Углича в 1609 г. (см.: Повесть о чудесах св. благоверного князя Романа, Угличского чудотворца. Ярославль, 1874. С. 21). Судя по тому, что церковные иерархи во главе с митрополитом Казанским *Гермогеном* про освидетельствование чудес и мощей князя Романа в Угличе сообщали Лжедмитрию I (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 318—319), работа над этими богослужебными произведениями завершилась не ранее июня 1605 г.

Соч.: А м ф и л о х и й. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Данииле Александровиче. М., 1875. С. 20—38.

Лит.: К л о ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 316—317; М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 226, 227; Ст р о е в. Словарь.

С. 242—243; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 146, 466—467; Филарет. Обаор. № 202; Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 210—211, 216.

Я. Г. Солодкин

Сергий (XVII в.) — инок Еледкого Черниговского Богородского монастыря, сын донского казачьего атамана (XVI в.) Михаила Черкашенина; от его лица ведется рассказ в «Слове о некоем старце», известном в единственном списке 1640 г. из собр. Х. М. Лопарева (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.234). В Слове сообщается, что С. был взят в плен крымскими татарами и продан в Кафу. Отсюда он совершил путешествие по странам Востока — посетил Константинополь, Аравию, Иерусалим, Египет. Х. М. Лопарев проследил судьбу вернувшегося на родину пленника-путника (его брат, как сообщается С. М. Соловьевым, был в Крыму казнен; см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3, т. 5—6. С. 696). Исследователь «Слова о некоем старце» отметил неоднородность литературного памятника: достоверность начала и легендарность хождения, лишенного исторических реалий («повесть... не знает ни сарацин, ни турок в Иерусалиме») и восходящего к древним преданиям о святых христианского Востока. Х. М. Лопарев обращает внимание на произвольность приведенных в Слове расстояний между географическими пунктами и на другие топографические несообразности. Исследователь называет источники легендарных сказаний, отразившихся в тексте Слова: о птице негуде (грифе), о горном золоте, о песчаном море, о камне, зеркале. Он приводит приметы зависимости текста Слова от паломнической древнерусской традиции (Хождения игумена *Даниила*, иеродиакона *Зосимы*, Арсения Солунского и др.).

Соч.: Лопарев Х. М. Слово о некоем старце: Вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII века // СОРЯС. 1890. Т. 51, № 2. С. 1—55.

Лит.: Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. ОЛДП. СПб., 1893. Ч. 2. С. 342; Семанн К. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 334—336.

О. А. Белоброва

Сергий Шелонин (в миру Семен Михайлов) (ум. 1667) — монах Соловецкого монастыря, автор новых редакций Жития Иоанна и Логгина Яренгских и *Жития Филиппа митрополита*. Принял пострижение в 1619 г., до этого, как установила М. В. Кукушкина, был подьячим в Москве. Прозвище Шелонин происходит либо от названия реки Шелона (в Новгородчине), либо от местного поморского диалектного слова «шелоник» — юго-западный ветер (Москва, откуда пришел С. Ш., по отношению к Соловкам на юго-западе). В 1647—1648 гг. С. Ш. был архимандритом Ипатьевского монастыря, затем вернулся на Соловки, где и оставался в иноческом звании вплоть до своей смерти. Об архимандритстве С. Ш. в Ипатьевском монастыре никаких сведений не сохранилось, на Соловках он занимался активной книгописческой деятельностью.

С. Ш. переписывал книги сам, а также руководил перепиской книг. За время пребывания на Соловках (с 1619 по 1667 г.) «он передал в Соловецкую библиотеку партиями 31 рукопись и шесть печатных книг, остальные 16 книг поступили после его смерти. В настоящее время выявлено 24 рукописи, которые непосредственно по припискам или косвенно по почерку атрибутируются Сергию Шелонину» (Кукушкина. Монастырские библиотеки... С. 99). В основном репертуар переписываемых С. Ш. книг — церковно-служебные, религиозно-дидактические и церковно-полемические тексты. Но он проявлял большой интерес и к сюжетным произведениям церковного жанра. Им переписаны *жития Василия Нового*, Иоанна Дамаскина, Григория Синаита, Паисия Великого, Павла Фивейского и др., *патерики Египетский*, *Азбучно-Иерусалимский*, *Синайский*, *Скитский*, *Киево-Печерский*, *Пролог*, *Космография*, *Стоглав*.

С. Ш. не был только копиистом рукописей. Он часто заменяет устаревшие слова, вносит стилистические изменения в тексты. Но особенно ярко сознательное, творческое отношение С. Ш. к переписческой деятельности проявляется в том, что на полях своих рукописей он делает многочисленные заметки, приводит параллели, отмечает источники цитат. В переписанных патериках С. Ш. часто по-своему распределяет и группирует патеричные рассказы.

Оригинальными сочинениями С. Ш. являются два житийных произведения, в основе которых лежат более ранние, созданные на Соловках жития. В 1638 г. С. Ш. участвовал в перенесении мощей святых Иоанна и Логгина Яренгских. Он подробно описал эту церемонию (ркп. ГПБ, Соловецкое собр., № 182) как участник и очевидец ее. Позже, уже после возвращения на Соловки из Ипатьевского монастыря, Сергей включил это описание в свою редакцию Жития Иоанна и Логгина Яренгских: «Сергия, смиренного инока и презвитера обители Пантократоровы сущаго Понта окиана на полунощной стране, иже на Соловецком отоце, сказание о чудесех святых праведных Иоанна и Логгина, новоявленных Яренгских чудотворцев». Первоначальные рассказы об Иоанне и Логгине Яренгских (см. *Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских*) под пером С. Ш. приобретают вид, более соответствующий канонам житийного жанра. У С. Ш. есть и риторическое предисловие, и риторическое заключение; более обобщенно и риторично передает он и содержание первоначальных записей об этих святых. Вместе с тем сочинение С. отличается несвойственными агиографическому жанру своеобразными «просветительскими» тенденциями и сильно выраженным субъективизмом. С. Ш. сообщает ряд сведений о Поморье, о жизни и обычаях поморов. В ряде мест он выражает свое отношение к описываемым событиям, говорит об охвативших его чувствах, что придает определенную лиричность его произведению. Особенно ярко это проявилось хотя и в очень риторичном, но весьма прочувствованном и не лишенном поэтичности описании Белого моря. Здесь перед нами первое в русской литературе описание морской стихии.

Второе оригинальное сочинение С. Ш. — Житие митрополита Филиппа, написанное им в 1651 г.: «Сергия смиренного инока и презвитера обители Пантократоровы, сущем понта окиана, иже на полунощной стране, на отоце Соловецком, слово на пренесение мощей иже во святых отца нашего Филиппа митрополита Московского и всея России чудотворца. Евлогисон патера». В основе сочинения С. Ш. лежит первоначальное Житие митрополита Филиппа, написанное в Соловецком монастыре в конце XVI в. И хотя С. Ш. никаких новых фактических сведений о Филиппе не сообщает по сравнению со своим источником, его сочинение совершенно новое, оригинальное произведение. С. Ш. следует лишь фактической канве своего источника, риторические же отступления и пассажи, общие житийные места, дидактические рассуждения на религиозные темы и по вопросам государственной жизни, даже эпизоды описательного характера полностью принадлежат С. Ш. Это сочинение С. Ш. известно в единственном экземпляре — автографе (ГПБ, Соловецкое собр., № 607/939), с которого списки в Соловецком монастыре не делались, хотя сам С. Ш. предназначал свою рукопись как оригинал для переписывания: «Рукопись эта скорописного мелкого письма на 128 лл. в 4 долю, вся написана рукою самого Сергия и во многих местах испещрена его же поправками, которые то дополняют текст новыми выражениями и мыслями, то заменяют какие-нибудь не понравившиеся автору выражения другими и т. п. На полях по местам написаны пометы автора для переписчика о том, что после чего писать, о вставке в текст пропущенного заглавия одной части сочинения (л. 118 обор.), об употреблении киновари в заглавиях» (З н а м е н с к и й. Сергей Шелонин. . . С. 667).

С. Ш. может быть поставлен в один ряд с самыми известными книгописцами Древней Руси. Судя по его глоссам в переписанных им рукопи-

сях и по его собственным сочинениям это был человек высокой книжной культуры, беспредельно преданный книжному делу. Интересен он и как древнерусский писатель, так как его оригинальные сочинения наглядно иллюстрируют, что в XVII в. новые веяния в литературе дают себя знать даже в произведениях автора, стремящегося создать текст, отвечающий требованиям старых литературных канонов. Сочинения С. Ш. не издавались.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 326; Яхонтов Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 162—182; Заменский П. Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII века // ПО. М., 1882. Т. 1. Февраль. С. 282—344; Апрель. С. 666—686; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 225—230; Кушнина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977.

Л. А. Дмитриев

Симон (ум. 1685) — игумен Александро-Свирского монастыря (1660—1664 гг.), затем архиепископ Вологодский (1664—1684 гг.), автор духовного завещания с описью имущества, в том числе книг (1681 г.), переписчик богослужебных книг, владелец обширной келейной библиотеки (около 80 томов рукописей и печатных изданий). Принимал участие в церковных соборах 1666, 1675 и 1678 гг., в частности, в розыске по делу патриарха *Никона*, который адресовал С. гневное письмо. В 1676 г. оказал материальную помощь *Юрию Крижаничу*, сосланному в то время в Сибирь (сохранилась расписка в архиве Вологодского архиерейского дома). Известны письма и грамоты С., адресованные духовным лицам, — епископу Вятскому *Александру* (1671 г.), митрополиту Крутицкому (1676 г.) и др.

Лит.: Роспись келейной рухляди Вологодского архиепископа Симона // ЛЗАК за 1664 г. СПб., 1865. Вып. 3: II. Материалы. С. 12—16; Строев. Словарь. С. 61; Фларет. Обзор. С. 248; Коновалова Ж. Ф. О библиотеке архиепископа Вологодского и Белозерского Симона // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 113—118.

О. А. Белоброва

Сназин Исидор (конец XVII в.) — автор Мазуринского летописца. Указание на его авторство и на написание С. еще одного крупного летописного произведения имеется в тексте Мазуринского летописца: «... а подробнее обо всем ево походе и о войне писано в другом летописце, — замечает автор в тексте о нашествии Батыя, — моем же, Сидора Сназина» (ПСРЛ. Т. 31. С. 68). Наиболее вероятно предположение, что речь идет о пространной редакции Мазуринского летописца, неизвестной исследователям. Летописные компиляции в конце XVII в. как правило создавались в несколько этапов — от наиболее пространного свода выписок из источников до тщательно отредактированного и унифицированного в литературном отношении текста, каким является текст единственного имеющегося в нашем распоряжении списка Мазуринского летописца. Почерк этого белого списка (ЦГАДА, собр. Мазурина, № 522) соответствует почерку приписок в важном памятнике русской историографии конца XVII в. — чудовском церковно-историческом справочнике, составлявшемся со второй половины 1670-х гг. до 1696 г. (ГИМ, Музейское собр., № 1499, л. 39 и др.). В свою очередь основной полууставной почерк справочника соответствует почерку чудовского синодика, написанного во второй половине 1670-х гг. и дополнявшегося до конца XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 576/290), который по палеографическим признакам бесспорно принадлежит патриаршему летописному скрипторию, где создавались и переписывались крупнейшие русские летописные памят-

ники конца XVII в. Следовательно, автор Мазуринского летописца был членом скриптории, как это предполагал В. И. Корецкий, исходя из содержания памятника. По-видимому, С. занимал в скриптории довольно видное место. Достаточно сказать, что в синодике, включавшем кратчайшие поминовения представителям наиболее видных боярских и княжеских родов, были записаны сразу три представителя рода Сназиных — мелких новгородских детей боярских, служивших в XVII в. в рейтарах и в приказных Новгородского Софийского дома.

Долю и форму участия С. в работе патриаршего скриптория над летописными сводами и компиляциями определить трудно. Для изучения его творчества наибольшую ценность представляет авторское произведение — Мазуринский летописец. Беловой список памятника, сделанный в первой половине 1680-х гг. с черновика, имевшего в тексте лакуны, оставленные для записи уточненных дат, имен, а иногда и целых летописных статей, имеет заглавие: «Книга, глаголемая летописец великия земли Росискія, великаго языка словенскаго, отколе и в кои лета начаша княжити» (л. 1). Повествование начинается от Потопа и сыновей Ноя, содержит легендарный рассказ о начале Русской земли и продолжается многочисленными статьями, содержащими в основном сведения о жизни и подвигах христианских святых мучеников. Далее автор сообщает немало любопытных сведений о происхождении славян и Древней Руси и переходит к изложению отечественной политической и церковной истории, завершая текст подробными повременными записями за начало 1680-х гг. Список механически обрывается на записи за 27 декабря 1682 г. Поскольку повременные записи (настолько частые и подробные, что М. Н. Тихомиров и В. И. Буганов рассматривали их как повесть или сказание о Московском восстании 1682 г.) начинались примерно со дня кончины *Феодора Алексеевича* (27 апреля 1682 г.), можно предположить, что основной текст датируется этим временем, и к концу 1682 г. произведение было близко к завершению.

Мазуринский летописец выделяется в ряду современных летописных памятников богатством и неординарностью содержания. Он стоит наиболее близко к авторским произведениям, в которых уже отразились многочисленные элементы историографии нового времени, таким как «Созерцание краткое» *Сильвестра Медведева*, «Скифская история» *А. И. Лызлова*, «Синописис» *Иннокентия Гизеля*, «Хроника» *Феодосия Сафоновича*, «Летописец» Леонтия Боболинского и др. Вместе с тем форма Мазуринского летописца подчеркнуто традиционна: это хронологически последовательно расположенные и чаще всего не связанные между собой небольшие летописные статьи, начинающиеся с указания «лета» и представляющие собой внутренне законченное повествование об отдельном событии. Отбор статей, по-видимому, не был обусловлен определенной политической концепцией. Вместе с тем круг источников С. был весьма разнообразен. Автор использовал *Пролог*, Четьи-Минеи, святцы, «Откровение» *Методия Патарского*, *Патерик Киево-Печерский*, различные редакции *Хронографа Русского*, *Лаврентьевскую летопись* или близкие к ней *Никоновскую*, *Софийскую 1-ю*, *Новгородскую 3-ю*, *Летописец Новый*, Летопись о многих мятежах и др. С. привлек также сведения из *Хроники Мацея Стрыйковского* (вероятно, по одному из русских переводов), *Житие Филиппа митрополита*, Соборную грамоту 1570 г., разрядные записи и многие другие не установленные пока источники. Не исключено, что ряд источников использовался автором не непосредственно, а через неизвестные нам летописные памятники второй половины XVII в., однако не менее вероятно и то, что таким промежуточным этапом была первая, пространная, редакция самого Мазуринского летописца.

Специфическим и поистине замечательным явлением в летописании конца XVII в. является подчеркнутый объективизм изложения в летописи С. Автор точно, местами со скрупулезной точностью описывает

происходившее, почти ничем не проявляя своего отношения к событиям. Сообщая непроверенные сведения, он предпочитает сослаться на источник, даже если речь идет об официальном сообщении (доверие к которым среди летописцев второй половины XVII в. было весьма велико). Эта особенность Мазуринского летописца увеличивает ценность его сообщений (в том числе, как отметил М. Н. Тихомиров, о событиях XIII в.), но поистине незаменимой она делает последнюю его часть, посвященную событиям, непосредственно находившимся в поле зрения автора.

Соч.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 3, 11—179.

Лит.: Тихомиров М. Н. 1) Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 443—444, 448—450; 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 51—52; Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны: Сб. ст. памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 315; 2) Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 28—29; Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание «Смутного времени» // Славяне и Русь: Сб. ст. М., 1968. С. 282—290; Богданов А. П. «Без гнева и пристрастия» (Исидор Сиазин и патриаршие летописи) // Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 60—75.

А. П. Богданов

Спарвенфельд Иоганн Габриэль (Sparwenfeld Johan Gabriel, Иоанн Гавриил Иванович Спарвенфельд) (1655—1727) — шведский филолог, автор стихотворений на русском языке. В 1684 г. в составе шведского посольства прибыл в Москву, где пробыл до конца 1687 г. За это время он с помощью переводчика Посольского приказа *С. И. Гадзаловского* основательно выучил русский язык и собрал интересную коллекцию русских рукописей литературного и исторического характера. С. принадлежат три стихотворения на русском языке (1684, 1697 и 1704 гг.), которые считаются одними из первых тонических стихотворений в русской поэзии. С. написал также на русском языке «Плачевную речь» (1697 г.) — надгробное слово Карлу XI и составил славяно-латинский словарь в 4 т. (ок. 25000 слов). Стихотворения С. были известны В. К. Тредиаковскому.

Соч.: Петровский Н. М. *Analecta metrica* // РФВ. 1914. Т. 21. С. 534—538; Берков П. Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 67—70; Быкова Т. А. К истории русского тонического стихосложения: (Неизвестное стихотворение И. Г. Спарвенфельда) // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 449—453.

Лит.: Пекарский П. Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. 4. С. 4—7; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 454—481; Бергорд У. 1) Славянский словарь Спарвенфельда // Русская речь. 1979. № 4. С. 112—117; 2) Большой славяно-латинский словарь конца XVII в. // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 152—157.

С. И. Николаев

Спиридон Иванов (первая четверть XVIII в.) — старообрядец поморского согласия, автор посланий. В 1712 г. был послан *Андреем Денисовым* в стародубскую слободу Ардонь Чернецкую наставником. В эти же годы в Ардони появились старообрядцы — выходцы с Керженца, которые несогласно с поморцами учили о перекрещивании. Против этого учения и было написано в 1715 г. послание С. И., направленное представителям беспоповского старообрядчества на Керженце («Послание Спиридона Иванова от Малороссии до Нижних пределов для подлинного совета об искомых»). Второе дошедшее до нас послание С. И. написано в 1724 г. и касается вопроса об Антихристе и Втором пришествии. В нем автор свидетельствами от авторитетов доказывал неким Петру Ларионовичу, Михайле Ивановичу, Василию Кузьмичу и Гавриле Ивановичу, что о времени Второго пришествия не дано никому знать, и просил их утвердиться «в том же разумении», отложив распри. Стиль посланий С. И. носит

на себе черты влияния выговской литературной школы, выражающиеся в склонности к риторичности и «ращению слов».

В 1722—1724-х гг. С. И. покинул Ардонь, укрывшись от «миссионерской» деятельности никонианского иеромонаха Иосифа Решилова, развернувшейся здесь в эти годы: «...от лет Грешилова гонения со многими в Волохи отлучишася» (см. анонимное «Сказание о раздоре в крещении», написанное в 1751 г. по поводу послания С. И. о перекрещивании). Перечень списков посланий С. И. см. в книге В. Г. Дружинина.

Соч.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 0106—0116 (первое послание).

Лит.: Лилеев М. И. 1) Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1893. С. 14—18; 2) Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1895. С. 339—341; Смирнов П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. С—С1; 2) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 202—210; Дружинин В. Г. Писания старообрядцев. С. 174—175.

Н. В. Поньрко

Станкевич (первая половина XVII в.) — ротмистр, автор Истории Сибири, до нас не дошедшей. О сочинении С. известно из трудов В. Н. Татищева, называвшего его то «История Сибири», то «Летописец Тобольский». В 1749 г. в Отзыве на первый том Истории Сибири Ф. И. Миллера Татищев писал: «Летописец Тобольской я имею, сочиненный ротмистром Станкевичем, которой я древней у архимандрита Далматского монастыря Исаакиа списал и к тому продолжение о воеводах дополнил. Он был во времена Годунова, Шуйского и царя Михаила, в нем нечто полное нахожу» (Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 438). Еще раньше, в 1735 г., в письме в Академию наук от 30 декабря Татищев сообщал: «Историю Сибири, которую 110 лет тому назад написал некто Станкевич и продолжение которой находим в разных местах, я распространил, собрав несколько списков (А. И. Андреев считал, что под продолжением следует понимать широко распространенное в рукописях «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», — М. К.), и кое-что в соответствующих местах добавил на основании архивных данных... однако в ней очень многого недостает» (Татищев В. Н. История Российская Т. 1. С. 20).

В трудах Татищева сохранилось несколько ссылок на Историю Сибири С. Среди источников Истории Российской, отмеченных в «Предъизвещении», Татищев называет «топографию», т. е. местную летопись — Историю Сибири С. (Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 84). В первоначальной редакции 22-й главы Истории Российской по Академическому и Уваровскому спискам, исследуя вопрос о расселении монголов, татар и русских в Сибири, Татищев обращается к Истории Сибири С.: «Что до древних обитателей сей страны принадлежит, то я по многим обстоятельствам, мною, быть мугалом. Обаче оное разумею о южной стране Сибири, а северная может издревле была без жителей. Но во время Чингизово, как они чрез нападение их в Азию отделились, а татары в Европу отделясь, сарматов утеснили, то оные во множестве для спасения своего чрез те великие горы ушед, на запад поворотясь, по вершине Яика и реке Белой оставленные от могол места населили. Но и тут им в исходе 15 ста татара, а потом русские в покое владения не оставили, о чем в Истории Сибирской Станкевич показал» («История Российская. Т. 1. С. 427).

В «Общем географическом описании всей Сибири», написанном в 1736 г., в главе 1 «О именах Сибири» Татищев, опираясь на татарские летописи и Историю С., производит имя страны от названия татарского города Сенбиль на реке Иртыше, что значит «первый», или «главный». «Онный город стоял ниже Тобольска 30 верст на той же правой стороне. О причине имени его история татарская и сочиненная Станкевичем русская ска-

зует тако: когда Магомет сын Оберов хисчника прародительского своего престола Онака хана победил и град его Чингидин разорил, тогда построил себе новый город ниже на Иртыше и назвал Сенбиль, но в которое время он построил, того точно в истории не написано» (Т а т и щ е в. Избранные труды. . . С. 46).

В «Лексиконе Российском, гисторическом, географическом, политическом и гражданском», над которым Татищев работал в 1741—1745 гг., он использует сведения С. об «идоле сарматов» у некоторых сибирских народов («кондинских» и «бдоров»), живущих «против самого устья Иртыша» (Т а т и щ е в В. Н. Избранные произведения. Л., 1978. С. 290).

Наконец, в «Введении к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи», законченному после 15 марта 1744 г., в главе 8 «О животных и рыбах и птицах и насекомых» Татищев отмечает, что до прихода русских в Сибири не было воробьев, «о чем Станкевич в гистории упоминает, что воробьи уже при нем в Енисейске показались» (Т а т и щ е в. Избранные труды. . . С. 170).

Эти упоминания Татищева позволили исследователю источников по истории Сибири А. И. Андрееву сделать ряд заключений относительно утраченного Летописца С. В. Н. Татищев видел этот памятник и сделал с него список в Далматском Успенском монастыре в первый свой приезд в Сибирь в 1720—1723 гг. В 1702—1724 гг. игуменом этого монастыря был *Исаакий* (С т р о е в П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Спб., 1877. Стб. 947). Однако ни список, сделанный Татищевым, ни оригинал из библиотеки Далматского монастыря не сохранились. Список, как и написанный на его основе труд самого Татищева, по-видимому, сгорели в его имении селе Грибанове уже после смерти Татищева. Известно, что Татищев сравнивал Летописец С. с летописями Сибири, использованными Миллером. Это были Ремезовская летопись и краткая и распространенная редакции Есиповской летописи. На этом основании А. И. Андреев сделал вывод, что Летописец С. представлял собой повесть о первоначальном завоевании Сибири в XVI—начале XVII в. того же типа, что и другие сибирские летописи, — Есиповская, Строгановская, Ремезовская и проч.

Исследовательница сибирских летописей Н. А. Дворецкая сделала попытку уточнить тип Летописца С., предположив, что Абрамовский список Есиповской летописи, также названный Летописцем Тобольским (Сибирские летописи / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 241—261), мог быть сводом, близким к Летописцу Тобольскому С. Однако само название еще не говорит о близости текстов; так, Летописцем Тобольским Миллер называл Ремезовскую летопись; в других сибирских летописях присутствует большой пласт известий, связанных с Тобольском и его историей.

Татищев датировал Летописец С. 1626 г.: в 1736 г. он писал о том, что сочинение С. написано 110 лет назад. Ученый обратил внимание и на то, что С. жил в Енисейске, т. е. появился в Сибири после 1618—1619 гг. (годы основания Енисейска).

Сообщение В. Н. Татищева о том, что в Летописце С. описаны времена *Бориса Годунова*, Шуйского и царя *Михаила Федоровича*, позволяет думать, что в сочинении С., кроме истории и этнографии Сибири, а также весьма вероятно, истории ее завоевания Ермаком отразились и события Смутного времени. Не дают ли основание польская фамилия автора и его чин ротмистра видеть в нем участника польской интервенции, попавшего в плен, высланного в один из городов России, а затем оказавшегося в Сибири, в Енисейске? Среди источников по истории Смутного времени известны дневники пленных поляков: В. Диаментовского, жившего в Ярославле, С. Немоевского — на Белоозере, а также записки К. Савицкого, Жолкевского (см.: С м и р н о в И. И. Восстание Болотникова. Л., 1949. С. 450—451, 472—473). Ответить на эти вопросы можно будет только

в случае обнаружения списка Летописи С., представляющей несомненный интерес не только как ранний источник по истории Сибири, но, возможно, и как свидетельство очевидца событий Смутного времени.

Лит.: Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 201; Евгений И. Словарь. Т. 2. С. 176; Материалы для истории русской литературы / Изд. Ефремов. СПб., 1857. С. 99; РБС: «Смеловский—Суворин». СПб., 1909. С. 319; Андреев А. И. 1) Труды В. Н. Татищева по географии России // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 8, 34. Примеч. С. 74, 75, 196; 2) Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 152, 154, 195, 230—231, 232, 283; 3) Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 20; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 42; Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. Примеч. С. 445; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 8; Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980. (В. Н. Татищев и изучение русского летописания). М., 1981. С. 9; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) Новосибирск, 1984. С. 6—7.

[М. Д. Каган

Станкевич Аркадий (первая половина XVII в.) — смоленский шляхтич, перевел сочинение рижанина «стольника Крестьяна Алгердовича сына фон Лессина» (фон-Лесси) «Книгу охотничьей регул, или Порядок о содержании псовой охоты», посвященную царю *Алексею Михайловичу* и составленную в августе 1635 г. (?). В посвящении указан возраст фон-Лесси — 63 года. Книга о псовой охоте в четырех частях была переведена с немецкого оригинала по рукописи (местонахождение неизвестно). Перевод известен в единственном списке (ГПБ, Q. X. 3, середина XVII в.), не издан и целиком не исследован, хотя его текст приведен для Словаря русского языка XI—XVII вв. (см.: Указатель источников. М., 1975. С. 48). Появление книги связывается с требованиями придворной эстетики XVII в. (ср. *Урядник сокольниковьего пути*).

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 111—112; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 99.

О. А. Белоброва

Суков Василий Нелюбов Семенов сын (ок. 1540—1610) — дьяк, один из составителей описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря, возможный автор «Сказания и повести еже содеяся в царствующем граде Москве и о разстриге Гришке Отрепьеве и о походе и о походе его», краткой редакции. Вероятно, начал службу в 60-х гг. XVI в. Упоминание о том, что в 1550—1551 гг. он ведал поместными делами (Шумаков С. А. Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910. С. 48), следует считать ошибочным; в Поместном приказе С. служил позднее, до 1595 г. (Шумаков С. А. Обзор «грамот Коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 136). В качестве подьячего скрепил выписку из писцовой книги 1552—1553 гг. на вотчины Рязанского Богословского монастыря (Шлякин И. А. Книги описные Рязанского И. Богословского монастыря (1673—1687 гг. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1904. Т. 18, вып. 3. С. 259). В 1572 г. С. стал опричным дьяком в Новгороде, занимался испомещением опричников в Новгородской земле; в январе 1573 г. участвовал во взятии Пайды и Ливонии, в сентябре 1581 г. сопровождал в походе *Ивана IV*. В начале царствования Федора Ивановича служил в Разбойной избе. В 1586—1587 гг. был писцом в Вяземском уезде, затем — дьяком в Казани. В 1592—1598 гг. служил в Разрядном приказе, в 1598—1606 гг. — в Приказе Большого прихода, а с 1599 г. — и в Приказе Большого дворца. В 1598 г. С. посылался в Смоленск и Псков для раздачи милостыни и приведения населения к присяге *Борису Го-*

дунову, во время серпуховского похода был оставлен в Кремле ведать «осадное дело» (Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 138, 150). Подписал *Грамоту Утвержденную* 1598 г., в которой значится среди участников избирательного земского собора (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 45. 52). В боярском списке этого времени, где перечислено тридцать дьяков «по приказом», С. назван на пятнадцатом месте (Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 182). В 1599—1600 гг. С. вместе с боярином Ф. Н. Романовым (см. *Филарет*) составлял десяти по Арзамасу, Мещере и Нижнему Новгороду; 21 июля 1601 г. вместе с Михаилом Васильевичем Молчановым составил опись имущества Кирилло-Белозерского монастыря (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 71/1310; см.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1983. Вып. 3. С. 358, 359). На л. 1—1 об. сделана запись, из которой известно, что опись была произведена по приказу царя Бориса Годунова и что в числе прочего монастырского имущества были переписаны книги: «Лета 6109 июля в 21 д(ень) по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси наказу Михайло Василевич Молчанов да дьяк Василей Нелюбов в Кирилове монастыре переписали церкви, и в церквах образы окладные, и не окладные, и у образов кузны золотые, и венцы, и цаты, и пелены, и в венцах и в цатах и на пеленах камень, жемчуг, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и свечи медные, и поставные, и паникадила, и тябла, и на паникадилах и на тяблах наклеи, и на колоколнице колокола, и всякое монастырское строение, и государевы жалованные и монастырские грамоты, и кабалы денежные и хлебные, и всякие монастырские крепости, и в монастырской казне налицо денги, и суды серебряные, и камни, и бархаты, и отласы, и платье, и на погребках и в сушилах запасы всякие годовые, и в житницах хлеб, а что в церквах образов, и книг, и всяково церковно строенья, и сколько в казне денег, и в сушилах каких запасов, и сколько в житницах хлеба, и что на конюшне всяких лошадей, и сколько в селех животных всякие, — и то все писано в сех книгах». Что писал опись один дьяк С., известно из его постскриптума на л. 504: «А Михайлове руки в сех книге, Молчанова, нет: сказал, что он писать не умеет». Опись книг, находящихся в книгохранилище, помещается на л. 207—244, за ней (л. 245—248) следует опись «Да по церквам книг». Всего в книгохранилище исчислено более тысячи книг, а по церквам — 46. В конце 1604 г. С. раздавал денежное жалованье епифанским служилым людям. Пик карьеры С. как дворцового дьяка приходится на первые месяцы царствования Василия Шуйского. Его скрепы имеются на десятках иммунитетных грамот этого времени; позднее он упоминается в них эпизодически, последний раз — в октябре 1609 г. (Т е б е к и н Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 200, 201, 208, 212, 216, 221, 226; АЕ за 1979 г. М., 1981. С. 215, 216, 234—238, 240, 243 и др.). Лишенный затем должности в Приказе Большого дворца, С. получил ее вновь по указу Сигизмунда III (1610 г.). Умер он, по-видимому, до 2 декабря 1610 г., когда поместье С. было решено передать его сыну Ивану Маньшому (АЗР. СПб., 1851. Т. 4, С. 390).

Допустимо предполагать, что С. создана краткая редакция Сказания о Гришке Отрепьеве. После текста произведения в одном из его списков читаем: «...у подлинного подписано тако: дьяк Василий Нелюбов» (ГПБ, собр. Погодина, № 1616, л. 105 об.). Е. Н. Кушева считала, что это указание является дьячьей скрепой на перечне поляков и «литвы», убитых и арестованных в Москве 17 мая 1606 г. (данный перечень завершает Сказание). Но поскольку С. служил тогда в приказах Большого прихода и Большого дворца, составление такого документа вряд ли входило в его обязанности. В рукописи, сохранившей упоминание о «подписи» С., Сказание включено в обширную компиляцию, создатель которой, возможно, располагал списком памятника с приведенным замечанием. Ска-

зание содержит реалии, соотносимые с фактами биографии С. В нем подробно говорится о борьбе между отрядами Лжедмитрия I и войсками царя Бориса на юге России. Известно, что в конце 1604 г. С. с «разрядом» был отправлен против Самозванца в Северскую землю, в частности под Брянск. Публицист обстоятельно рассказывает о походе «расстриги» из Тулы к Москве. С. принимал участие в этом походе в составе «дворца» «царевича Дмитрия». Согласно Сказанию с невестой Самозванца Мариной Мнишек и ее отцом в Россию прибыли «многие воеводы литовские, и гетманы, и войты, и старосты, и рохмистеры с ротами, и многое множество яхлов и з женами и з детьми, а собранными для них «кормами великими» Лжедмитрий «запустоши» «дорогу Смоленскую». С. посылался в Смоленск с целью заготовки «дорожного корму» для Мнишковых и их встречи (Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 41, 75; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 317—318). По свидетельству публициста, Сигизмунд III — «Свицкие земли родом, Яганов сын». Об этом вполне мог знать С., выполнявший некоторые дипломатические поручения. Так, он посылался на переговоры с датчанами в Колу, участвовал в размежевании русских и шведских земель в Карелии (1595 г.), во встречах в Москве шведского королевича Густава (1599 г.) и польско-литовских послов (1600 г.), подписавших мирное соглашение с царем Борисом (о нарушении этого договора Речью Посполитой говорится в Сказании). Таким образом, есть основания атрибутировать Сказание С.

По предположению В. И. Буганова, С. был одним из составителей Разрядной книги редакции 1598 г. (Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 208).

Соч. РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 713—754; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 713—754; 3-е изд. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. Стб. 713—754.

Лит.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 473, 474, 511—513, 556—557; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Учен. зап. Саратовского ун-та. Саратов, 1926. Т. 5, вып. 2. С. 92—93; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 17, 30, 278; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М., 1960. С. 296—297, 299; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 52; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 500—501.

Я. Г. Солодкин

Терентий (нач. XVII в.) — благовещенский протопоп, автор писем Лжедмитрию I и «Повести о видении некоему мужу духовну». Биографических сведений о Т. сохранилось очень немного. Почти все они содержатся в написанных им произведениях. Именно из них мы узнаем, что он был видным представителем русского духовенства, занимая при Лжедмитрии I и Василии Шуйском пост протоиерея Кремлевского Благовещенского собора в Москве. После 1606 г. (точная дата не установлена) Т. был устранен от этой должности, но в 1610 г. указом Сигизмунда III вновь поставлен во главе той же церкви.

Первое из известных произведений протопопа Т. написано в самом конце 1605 г. или в начале 1606. Оно дошло до нас в единственном, не совсем исправном списке (перепутаны листы, нет конца) XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1622): «Лета 7114 году послание благовернейшему и вышнему царю и богохранимому государю великому князю Дмитрию Ивановичю всея России иже во священницех наименший грубый Терентие метание еще о господе смирение творю». В этом послании за пышными и многочисленными славословиями в адрес Лжедмитрия I и поставленного им патриарха Игнатия отчетливо проглядывает недовольство предосудительным, с позиции морали строгого русского православия, поведением царя. Цель послания протопоп Т. видел в том, чтобы «изъявлением иносказательным и нравоучительным» воздействовать на Лжедмитрия.

Для этого он широко использует послание старца Псковского Елеазарова монастыря *Филофея* великому князю *Василию III Ивановичу* (М а л и н и н В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложение. С. 49—51). Он напоминает царю, что Россия есть «третий Рим», наследие и вершина всего православного христианства, и наставляет его словами: «И сия вся церковная предания, писанная и неписанная. . . непреложно подобает соблюдать не токмо святителем, но и царем». Он позволяет себе даже предостерегающий намек на несчастливую судьбу царственных гонителей православия. Все это дало С. Ф. Платонову основания отнести протопопа Т. к числу таких сторонников Лжедмитрия, «которые мягко и дружески подавали самозванцу совет держаться старых правил московской жизни строже, чем он это делал».

Однако несмотря на старание протопопа смягчить поучительно-требовательный тон послания лестными характеристиками самозванца («Един ты во всей поднебесной христианом крепки хранитель и поборник», «светлый царь», «благородный государь», «премудрый царь» и т. д.), его общий обличающий смысл не мог не вызвать гневной реакции Лжедмитрия. Подтверждением этому служит второе послание протопопа Т. Лжедмитрию I, содержание и общий тон которого полностью противоположны первому. Т. слезно молит в нем царя сменить гнев на милость, призывая его последовать Богу, который «прощает кающихся и обращающихся с мольбой». Уже не уверенный в своей правоте ментор, а перепуганный подданный обращается к царю с униженными заверениями в своей преданности. «Пощади нас. . . отврати от нас праведный гнев свой», — умоляет «недостойне нарицатися смиренный Терентие» Лжедмитрия, называя его «светилом русским», и клянется: «. . . никогда бо твоей царстей власти зла сотворимом, не сотворим». Просительный характер послания заставляет протопопа еще больше, чем в первом послании, возвеличивать царя.

По справедливому мнению С. Ф. Платонова, второе послание «есть не что иное, как литературно написанная челобитная». Этот вывод вытекает как из содержания послания и заглавия, помещенного в оглавлении сборника ГПБ, О.IV.17, по которому список послания опубликован в ААЭ («Список с челобитные и похвала Терентия, благовещенского протопопа, к тому же ложному царю Дмитрию»), так и из формы, ибо заканчивается оно обычной для челобитных формулой: «Государь, умили-сердися! Царь, смилуйся!. . . самодержче, пожалуй».

Самым значительным произведением протопопа Т. является «Повесть о видении некоему мужу духовну». Жанр «видений» в древнерусской литературе известен был давно, но наибольшее распространение он получил в Смутное время. «Видения» не только отражали общественно-политическую ситуацию, но всегда выражали в форме призыва ко всеобщему покаянию определенную политическую и классовую тенденцию.

Повесть протопопа Т. появилась первой в ряду подобных «видений» начала XVII в. и оказала сильное воздействие на их возникновение, идейное содержание и литературный характер. Согласно Повести «некто свят муж», якобы запретивший Т. называть его имя, поведал, а протопоп записал рассказ о случившемся тому во сне видении Богородицы, трижды просившей Бога о прощении грехов русских людей. Только после третьего обращения Бог обещает смирить свой гнев, но ставит условие: «Тебе ради, мати моя, пощажу их, аще покаются; аще ли же не покаются, то не имам милости сотворити над ними». Мысль о всеобщем покаянии составляет главную идею Повести и возникла не случайно. «Повесть о видении некоему мужу духовну» была написана в сентябре 1606 г., т. е. в тот самый момент, когда крестьянская армия *И. И. Болотникова* подошла к Москве. В этих условиях призыв к всенародному покаянию приобретал агитацион-

ный характер и был направлен против посланных Богом в наказание «кровоядцев и немилостивых разбойников», т. е. восставших.

В наиболее полном и лучше всего сохранившем первоначальный текст Повести списке (ГПБ, О. IV. 17) упоминание о нравственности светских и духовных владык, исполненных греховности, написано иначе, чем во всех других списках. Вместо «несть истины во царех же и патриарсех» здесь сказано «несть истины во царе же и патриарсе». Это отличие привело сначала П. Г. Васенко, а затем Е. Н. Кушеву к выводу о том, что Повесть протопопа Т. была направлена против Василия Шуйского, который использовал ее в своих интересах, изменив первоначальный текст. Эта точка зрения не выдерживает критики. Трудно допустить, что достаточно было столь незначительных исправлений, чтобы изменить идейный замысел Повести на противоположный. Она была прямо адресована царю и патриарху. «Муж свят» говорит Т.: «И тебе сия поведаю ползы ради, да проповеси царю же и патриарху. . . яже слышал. . .». Повесть была представлена царю, чего не могло быть, если бы она была направлена против Шуйского. Именно по приказу царя «Повесть о видении» зачитывалась в соборе перед народом, в связи с этим «видением» был установлен недельный пост и служились молебны, т. е. она повлекла за собой ряд санкционированных правительством мероприятий идеологического характера. Все это свидетельствует о том, что Повесть имела большое значение в литературно-идеологической кампании Василия Шуйского и была написана, вероятнее всего, по заданию правительства.

Протопоп Т. вполне оправдал доверие царя. По словам А. А. Назаревского, «он показал себя не только как искусный книжник-писатель, но и как знаток психологии народных масс», что выразилось в выборе наиболее удачной литературной формы «видения», которое лучше всяких убеждений воздействовало на обостренные чувства растерянных и испуганных современников. Т. не внес ничего нового в литературную схему жанра «видений». В основе сюжета лежит заступничество Богородицы перед Богом, традиционный мотив «видений», ведущий свое начало от *Хождения Богородицы по мукам*, которое и послужило источником Повести Т. Композиция Повести также обычна для «видений», как и ее церковно-книжный язык. Но протопоп Т. весьма искусно использовал традиционные литературные средства, построив Повесть на диалогах, снабдив ее для большей достоверности небольшими бытовыми и пейзажными описаниями, которые уточняют место и время «видения». Главное же, что оживило старую литературную форму, — умелое наполнение ее злободневным содержанием, выраженным в привычных символических образах.

«Повесть о видении некоему мужу духовну» произвела сильное впечатление на современников благодаря ее высоким художественным достоинствам и большому социально-политическому значению. Уже вскоре после подавления восстания Болотникова она вошла в состав *«Иного сказания»*. В новой политической ситуации она приобрела иную агитационную направленность при неизменности идейного содержания. В *«Ином сказании»* Повесть протопопа Т. служит доказательством действительности всенародного покаяния и поддержки, оказанной царю. Победа над войсками Болотникова представлена здесь как результат покаяния, поста и молитв, как дарованное свыше заслуженное избавление от восставших.

В 1611—1612 гг. Повесть протопопа Т. вошла полностью в состав компилятивного *«Казанского сказания»*, написанного в другой общественно-политической обстановке, уже после свержения Василия Шуйского. В этом памятнике Повесть выражает совсем иные политические настроения. Здесь нет сообщения об одобрении Повести царем и патриархом, покаянии и посте, потому что они не поверили «видению», за что и были наказаны: «Царь же и патриарх и весь царьский сигклит не вниша сему ни мало. . . и по сих не по мнозех летех и збытсья видение сие лад Московским государством. . .». Нарушая причинно-следственную

связь событий, отраженную в Повести и в «Ином сказании», составитель «Казанского сказания», явный противник царя Шуйского, считал, что восстание Болотникова и явилось тем наказанием, которое последовало за невыполнение поставленного в «видении» условия о всеобщем покаянии.

«Повесть о видении некоему мужу духовну» является литературным источником целого ряда других «видений». Наиболее отчетливо следы влияния Повести Т. видны в *Повести о видении мнишу Варлааму*, отразившей захват Новгорода шведами 16 июля 1611 г. Она была написана вскоре после занятия города интервентами, но рассказывает о «видении» накануне этого события. Самым наглядным примером влияния Повести протопопа Т. является противоречие, допущенное автором новгородского «видения» из-за чрезмерной увлеченности источником. Он неоднократно подчеркивает, что действие происходит перед приходом шведов в Новгород, т. е. до 16 июля, но следуя повести Т. допускает просчет, удивляясь, «что ныне путь гладок есть, а осень нестройна и дождевна» (РИБ. Т. 13. Стб. 245).

Влияние Повести протопопа Т. сказалось и на Повести о «видении» в Нижнем Новгороде (см. *Григорий*) и *Повести о «видении» во Владимире*, хотя и в меньшей степени, чем на Повести о новгородском «видении». Начало Повести о «видении» в Нижнем Новгороде есть не что иное, как незначительно измененное начало Повести Т. (РИБ. Т. 13. Стб. 235). Сходство заметно также в сохраненной авторами поздних «видений» композиционной схеме московского «видения», в некоторых элементах сюжета, но главное, в сохранении его идейной основы. При этом новая историческая обстановка (повести о «видениях» в Нижнем Новгороде и во Владимире появились в 1611—1612 гг.), конкретный характер их назначения («видения» использовались в переписке русских городов) обусловили появление новых моментов в их идейном содержании. Требование покаяния и поста выдвигается в этих «видениях» как необходимое условие освобождения страны и всенародного избрания русского царя. «Видения» должны были эмоциональным воздействием на патриотические и религиозные чувства людей усилить содержащийся в грамотах призыв к совместным действиям против интервентов. Таким образом, поздние «видения» полностью сохранили агитационный характер Повести протопопа Т., хотя новые исторические условия изменили ее направленность.

Перечень списков «Повести о видении некоему мужу духовну» содержится в книгах С. Ф. Платонова, А. А. Назаревского и в статье А. И. Копанева.

Соч.: ААЭ. Т. 2. № 224 (второе послание Лжедмитрию I); РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 177—184 (Повесть).

Лит.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 41, 402—403; Отзыв профессора В. О. Ключевского об исследовании С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» // Отчет о тридцать первом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1890. С. 3—4; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 70—80; Васенко П. Г. Заметки к статьям о Смуте, включенным в хронограф редакции 1617 года // Сб. ст. по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922. С. 248—269; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII в. Саратов, 1926; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 2-е изд. М., 1951. С. 280—283; Тихомиров М. Н. Новый источник по истории восстания Болотникова // ИА. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 81—130; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 104—142; Копанев А. И. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовну» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 477—480; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 284.

Г. П. Енин

Тихон (XVII в.) — архимандрит Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, предполагаемый автор Повести о обретении

мощей Даниила Переяславского и описания чудес его, составитель грамот. Переведенный из Вознесенского Печерского монастыря, который он возглавлял в 1649—1651 гг. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 610), Т. управлял Даниловым монастырем, по П. М. Строеву, с 18 ноября 1651 г. и по крайней мере до октября 1658 г. (Списки. . . Стб. 668; ср.: Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1888. Ч. 2. С. 341 (Сб. РИО; Т. 62)), по А. И. Свирелину — с 1652 по 1660 г. (Свирелин. Историко-статистическое описание. . . С. 86); иных биографических сведений о нем не сохранилось. Надо думать, Т. пользовался духовным авторитетом: ему в 1655 г. отправил «за своею рукою тетради» из Кандалакшского монастыря *Иоанн Геронов*, принявший в том же году постриг у Даниловского архимандрита (Материалы для истории раскола за первое время его существования/ Под ред. Н. Субботина. М., <1874>. Т. 1. С. 137, 285). При Т. в 1652 г. состоялось открытие мощей основателя монастыря, причем рассказ об этом событии, носящий явные следы местного происхождения, написан, как предполагает В. О. Ключевский, самим архимандритом. Издавший Повесть С. И. Смирнов низко оценивает литературные способности ее автора, но именно безыскусность произведения делает его ценным историческим источником. Поводом для открытия мощей, согласно Повести, послужило видение, бывшее во сне монастырскому служебнику сыну боярскому Ивану Андрееву Доурову. Даниил, явившийся спящему, возвестил свою волю: «Да прославит имя мое, яко же и блаженнаго Филиппа» (мощи *Филиппа II* только что были доставлены в Москву из Соловецкого монастыря). Повесть подробно, называя точные даты, рассказывает о всех этапах сложной процедуры обретения мощей, главным действующим лицом которой был монастырский эконо́м Никита, — о раскопках захоронения преподобного, о переговорах в Москве, наконец, об освидетельствовании мощей Ростовским митрополитом *Ионой Сысоевичем*.

Первоначальная полная редакция Повести была известна С. И. Смирнову в единственном неисправном списке XVII в. (ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 255). В остальных рукописях находятся сокращенные редакции — первая и вторая; последнюю издатель приписывает *Александру*, строителю Киржачского Благовещенского монастыря. По мнению С. И. Смирнова, автору Повести следует атрибутировать и компилятивное Похвальное слово Даниилу Переяславскому, выполняющее функцию предисловия к рассказу об обретении мощей. В. О. Ключевский считал Т. автором рассказа о чудесах Даниила Переяславского в первоначальной их редакции, которая читается в рукописи ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 301; Повесть о обретении мощей во второй сокращенной редакции сообщает, что Т. с братией подал какую-то черновую редакцию описания чудес митрополиту Ионе, приехавшему свидетельствовать мощи Даниила.

В архиве монастыря хранились две грамоты, обращенные к патриарху *Никону* от имени Т. и строителя Никиты; в первой говорится об открытии мощей 18 ноября 1652 г., во второй, написанной в 1653 г., монастырские власти просят патриарха поскорее назначить празднование преподобному и дать указ о переложении его мощей в новый гроб. Грамоты издавали А. И. Свирелин и В. Г. Добронравов.

Соч.: Свирелин А. 1) Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 15—17, 18—20; 2) Жития святых Переславских чудотворцев: Никиты Столпника, Даниила игумена, благоверного князя Андрея и Корнилия Молчальника / Изд. Православного братства святого благоверного великого князя Александра Невского во Владимире. <1889>. С. 30—31; 3) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переславского чудотворца. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894. С. 44—45, 46—47; Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Приложения.

С. 7—9; Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. 82—96, 104—132.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 336; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 147—148.

Д. М. Булаши

Толочанов Никифор Матвеевич (середина XVII в.) — стольник, автор статейного списка. В 1650—1652 гг. возглавлял посольство царя *Алексея Михайловича* в Имеретию и совместно с дьяком *Алексеем Иевлевым* участвовал в составлении отчета. В 1659—1663 г. Т. был воеводой в Дорогобуже и Смоленске. *Статьейный список посольства Т. и А. И. Иевлева* в Имеретию дошел в трех редакциях (А, В и С, по определению М. А. Полиевктова). Редакции А и В — это официальные отчеты, представленные в Посольский приказ: А — о переговорах с кахетинским царем Теймуразом I, В — о переговорах с имеретинским царем Александром III. Они сохранились всего в двух списках — в черновом (ЦГАДА, Грузинские дела, оп. 1, 1650 г., № 2) и в копии XVIII в. (ИРЛИ, собр. П. Я. Дашкова, оп. 7, № 3). Более распространена редакция С (известно 7 списков), представляющая собой литературную обработку отчета, выполненную А. И. Иевлевым. Редакция В составлена Т. В этой редакции последовательно описывается путешествие от Москвы до Кутаиси (через Астрахань, Каспийское море, Северный Кавказ, по рекам Черку и Карасу, через горный перевал Гезевецк), прием московских послов, их переговоры с царем Александром, посещение монастырей, в частности Гелатского. В *статьейный список* включены тексты грамот, фигурировавших на переговорах.

В историко-археологических трудах встречаются отрывки из описаний грузинских памятников по *статьейному списку С*, например, о Хатухльской иконе (см.: Конадаков Н., Бакрадзе Д. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890. С. 4—5, 7; Конадаков Н. И. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2. С. 305). Редакции А и В по списку ЦГАДА опубликованы в 1926 г.; редакция С публиковалась трижды — в 1788 г., в 1926 г. и в 1969 г. (перепечатка с предыдущего издания) по списку ГИМ, Синодальное собр., № 541.

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 5. С. 135—252; Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 / Изд., введ. М. Полиевктова. Тифлис, 1926; *Статьейный список посольства в Имеретию 1650—1652 г., составленный Алексеем Иевлевым / Рус. текст с груз. пер., обзорением рукописей подгот. к изд. И. З. Цинцадзе. Тбилиси, 1969.*

Лит.: Полиевктон М. А. К вопросу об авторе «Статьейного списка С» посольства Толочанова и Иевлева // Сообщения Груз. филиала АН СССР. 1940. Т. 1, № 1. С. 91—95; Белоброва О. А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 171—173.

О. А. Белоброва

Торокан Василий Ильин (нач. XVII в.) — подъячий смоленского Большого денежного стола, автор письма от 8 октября 1609 г. к дьяку Земского приказа в Москве Василию Миронову из осажденного поляками Смоленска (осада продолжалась в течение 20 месяцев с 1609 по 3 июня 1611 г.). В небольшом письме, написанном языком, близким к разговорному, Т. пишет своему покровителю и его жене Пелагее Васильевне о всех мытарствах, которые ему приходится переносить вместе «з женишкам и з детишками». Несмотря на частный характер письма и его небольшие размеры в описании автором осады города наряду с живыми бытовыми деталями нашла отражение и стилистика воинских повестей: «А с Семеня дни сидим в осаде. А король с радными паны и со многими людьми стоит под Смоленском и часта к городу приступает и по городу, и в город по хоромам ис пушек верхевых огненными ядрами бьют».

безпрестани вселды. . .». Письмо Т., таким образом, представляет интерес и как документ эпохи, и как источник по истории языка, и как литературное явление.

Соч.: Ге й м а н В. Г. Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 275—277.

Л. А. Дмитриев

Туптало Димитрий (в миру Даниил Саввич) (XII 1651—28 X 1709) — митрополит Ростовский и Ярославский, писатель и проповедник. Сведения о его жизни и деятельности находятся в автобиографическом сочинении «Диариуш», в письмах и посланиях святителя, наконец, в его Житии, составленном митрополитом Ростовским Арсением Мацеевичем в 1757 г. и получившем одобрение Синода. Туптало родился в селе Макарове на реке Ловиче. Родителями его были: Савва Григорьевич (ум. в 1703 г.), казак, дослужившийся до звания сотника, затем постригшийся в монахи (был ктиторм Киевского Кириллового монастыря) и проживший, как указывает «Диариуш», 103 года (портрет его в кн.: Т р о м о н и н К. Я. Достопамятности Москвы. М., 1845. С. 32), и Марья Михайловна (ум. в 1689 г.). В 1660 г. сотник Савва с семьей переселился в Киев, купив дом на Подоле.

В 1662 г. Т. отдался учиться в Киево-Могилянскую академию, где ректором в то время был Иоанникий Галятковский, известный на Украине и в Великороссии писатель и проповедник. Остается открытым вопрос, как долго проучился Т. в Киево-Могилянской академии. И. А. Шляпкин, ссылаясь на исследование Макария Булгакова (История Киевской академии. Киев, 1848), пишет, что «в 1665 г. коллегия во время нашествия Дорошенко была совершенно разрушена и возобновлена лишь в 1669 г., и так Даниилу пришлось проучиться только три года (1662—65)» (Ш л я п к и н. Святой Димитрий. . . С. 6). В. Эйнгорн считает, что «мнение это ошибочное и заимствовано оно из сочинений, которые, будучи написаны тогда, когда еще не были напечатаны Акты Южной и Западной России, заключают немало фактических ошибок». Исследователь доказывает, что нашествия на Киев в 1665 г. Дорошенко не предпринял, коллегия не пострадала, так что Т. «мог пройти полный курс обучения, завершив классы риторики и философии» (Э й н г о р н В. Очерки по истории Малороссии XVII в. М., 1899. С. 323). С. И. Котович отмечает, что Т. «мог достичь только класса риторики и поэтики, а высших классов тогда вообще в Киевской духовной семинарии не было» (Дмитрий Ростовский . . . С. 851).

9 июля 1668 г. в восемнадцатилетнем возрасте Т. принял монашество в Киевском Кирилловском монастыре от игумена Мелетия Дзика, 25 марта 1669 г. был посвящен Иосифом Тукальским в иеродиаконы, 23 мая 1675 г. — Лазарем Барановичем в иеромонахи. С 1675 по 1677 гг. Т. — иеромонах Густынского монастыря, кафедральный проповедник при Лазаре Барановиче в Чернигове. По повелению архиепископа Черниговского Т. в 1677 г. написал «Руно орошенное» — первое из дошедших до нас его сочинений, представляющее собой сборник сказаний о чудесах чудотворного образа Богоматери в Черниговском Троицко-Ильинском монастыре. Впервые «Руно» издано в 1680 г., на существование этого несохранившегося издания указывают последующие переиздания (всею книга выдержала в Чернигове семь переизданий). Во втором издании «Руно орошенное» начинается посвящением Лазарю Барановичу и двумя предисловиями: одно из них — «к читателю», другое — «на книжку». В предисловии «к читателю» сказано, что «книжка» вышла с исправлением (против первого издания) правоучений и приложением «кратких бесед духовных». В книге собраны, таким образом, сказания о чудесах с прибавлением к каждому бесед, правоучений и прикладов (т. е. при-

меров). Беседы и нравоучения составлены самим автором, а приклады собраны из разных источников («и то не от себя, но что инде читал и аки пчела от различных зел мед в един сот собра»). Имя автора выясняется из стихов, помещенных в книге после предисловий:

Иже в Руне ииОгда преобразованна,
Мати сОтворшаго Нас всеХ zde написанна.
Душевно И МыслЮю Ту книжку пРИмете
САМИ с Внимающе И другим проЧтете» (т. е. «Иеромонах Димитри Савич»).

С июля 1677 по январь 1679 г. Т. находился за пределами Украины: сначала проповедовал в Вильне, в монастыре Святого Духа, затем поселился в Слуцке, где являлся проповедником Преображенского братского монастыря. С 1677 г. по 1679 г. Т. побывал во многих местах Минской губернии (см.: Котвич С. И. Дмитрий Ростовский. . . С. 852). С 1679 по 1700 гг. Т. служил игуменом и проповедником самых различных монастырей на территории Украины. С 1679 по 1683 г. (с небольшим перерывом в пять месяцев, когда он был игуменом Макасовской обители) Т. — игумен Батуринского Николаевского монастыря. В апреле 1684 г. Т. приезжает в Киев по приглашению Варлаама Ясинского, архимандрита Киево-Печерской лавры, и становится ее проповедником (см. ркп. ГИМ, Синодальное собр., № 146 с собственноручной подписью под проповедью 1685 г.: «. . . на он час казнодея Печерского»). В Киево-Печерской лавре проповедник принял на себя послушание — составление Четий-Миней, которые прославили его имя. В Киеве же он познакомился со Стефаном Яворским, впоследствии своим ближайшим другом. В 1686 г. Т. вторично принял игуменство в Батуринском монастыре, в 1689 г. впервые побывал в Москве в составе украинской делегации во главе с гетманом Мазепой, чествовал царей Иоанна Алексеевича и Петра, царевну *Софью Алексеевну*, патриарха *Иоакима*. С 1694 г. он — игумен Глуховского монастыря апостолов Петра и Павла, с 1697 г. — Киевского Кирилловского монастыря, затем архимандрит Черниговского Елецко-Успенского монастыря, а через два года переведен в Спаский Новгород-Северский монастырь.

Основная деятельность Т. на Украине — проповедничество и составление Четий-Миней, над которыми он трудился около двадцати лет и закончил лишь в 1705 г. в Ростове. И. А. Шляпкин отмечал, что составление Четий-Миней было необходимо «ввиду уничтожения списков русских житий во времена татарщины и позднее унии, и любителям душеспасительного чтения, и монахам для чтения за трапезой приходилось обращаться к польским и латинским книгам житий св. отцов, часто несогласным с духом православия» (Шляпкин. Святой Димитрий. . . С. 38). Составление Четий-Миней начал еще Петр Могила, продолжили работу Иннокентий Гизель, Лазарь Баранович, Варлаам Ясинский, но довел работу до конца — и это было делом всей его жизни — лишь Т. Разногласия в списках «Диариуша», дающих две даты начала работы над сводом (6 мая или июнь 1684 г.), по мнению исследователей, объясняются тем, что святителю пришлось проделывать большую подготовительную работу, включавшую подготовку месяцеслова, выбор житий, поиск необходимых источников (см.: Державин. Четий-Миней. . . // Богословские труды. № 15. С. 96). Используя в своей работе как русские источники (в том числе *Великие Миней Четии*), так и латинские, греческие, польские, автор не просто собирал их воедино и занимался отбором: многие из его житий могут считаться оригинальными агиографическими произведениями. Из переписки Т. известны его помощники-писцы и сотрудники-переводчики: инок Чудовского монастыря Феолог, *Федор Полкарпов-Орлов*, *Карион Истомир*, *Филофей Лещинский*, *Стефан Любинский*, *Иосиф Конесский*. «Поступившие к нему рукописи, — пишет А. Державин, — с житиями святых, он сначала критически изучал, а затем принимался за стилистическую обработку. . . Собранные мате-

риалы служили уже только канвой, по которой вышивалась совершенно самостоятельная, далеко превосходящая изложение сотрудников работа» (Богословские труды. № 15. С. 122). Издание Минеи растянулось на много лет: в 1689 г. в Киево-Печерской лавре была напечатана первая часть (сентябрь—ноябрь), а работа над четвертой — последней — частью продолжалась до 9 февраля 1705 г. (см.: Летопись об архиереях ростовских // Собр. соч. . . . Киев, 1824. Т. 1. С. 15). В связи с переездом в Россию изменяется взгляд Т. на задачи и цели его труда; по наблюдениям исследователей, он уже в Москве, а затем и в Ростове уделяет все больше внимания памятникам русской агиографии; помимо великорусских житий Т. включает в Минею повести и рассказы, некоторые — местного, ростовского происхождения (например, он включил в свод Житие Димитрия царевича). Работу над Четиями-Минееми Т. вел до конца своей жизни, об этом свидетельствуют два оставшихся после его смерти сборника с черновыми записями и поправками, описанные А. Державиным (Богословские труды. № 15. С. 122—123): ГИМ, Синодальное собр., № 811 («Неисправленные вещи различные, собранные в лето 1704-е в Ростове») и ЦГАДА, ф. 381, № 420; не весь обработанный автором материал из этих сборников вошел в печатный текст. В последние годы своей жизни Т. хотел напечатать второе исправленное и дополненное издание первых частей Минеи, но смерть помешала ему осуществить свой замысел. Второе издание вышло в 1711—1716 гг. (были напечатаны три части, четвертая сгорела при пожаре), исправления вносили киевские справщики архидиакон Манассий и иеромонах Фома. Синод не был удовлетворен этой работой и поручил исправление Минеи ректору Новгородской семинарии Иоасафу Маткевичу и ректору Петербургской семинарии Никодиму. Вторично исправленные Минеи вышли третьим изданием в Киеве в 1757 г. и в Москве в 1756—1759 гг.

Уже на Украине Т. стал известным проповедником. Варлаам Ясинский в 1693 г. называл его «искусным и благоразумным проповедником слова Божия» (Архив Юго-Западной Руси. Киев, 1873. Т. 1, ч. 5. С. 278). Не все проповеди украинского периода жизни Т. сохранились: в списках и печатных изданиях известны девять проповедей на украинском языке, произнесенных с 1677 по 1698 г. Нерешенным остается вопрос, кто переводил слова Т. с украинского языка на русский. И. А. Шляпкин считал самой ранней из дошедших до нас проповедь «Пирамис албо столп», произнесенную 24 февраля 1685 г. в Киево-Печерской лавре «в год погребения» архимандрита Иннокентия Гизеля (ГИМ, Синодальное собр., № 146; ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и Собр. соч.). На самом деле существует более раннее слово, известное в единственном списке (ЦНБ АН УССР, ДА/П—292, сборник второй половины XVIII в., л. 106—111 об., 141—160 об.), — «Казание на страсти Господа и Спаса нашего Иисуса Христа», которое Т. произнес в Чернигове в 1677 г. (пер. на рус. яз. в Собр. соч.). К проповедям украинского периода относятся также «Слово на Успение Богородицы», оглашенное 15 августа 1693 г. в Киево-Печерской лавре (ГПБ, собр. Титова, № 3557; Софийское собр., № 1282, 1283; ЦНБ АН УССР, ДА/П—296 — перечень рукописных списков ранних слов приводится не полностью); «Слово 1 на шестствие св. Духа», или «Слово на св. Троицу», оглашенное в 1693 г. в Кирилловском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 270; ЦНБ АН УССР, ДА/П—292, ДА/П—296; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 417; Ростовский музей-заповедник (далее — РМЗ), Р—819; напечатано в ЧОИДР за 1884 г. в изд. «Кафедральные Черниговские монастыри»; пер. на рус. яз. в Собр. соч.); «Брань архистратига Михаила со седмоглавым змием», произнесенное 8 ноября 1697 г. в Киевском Михайловском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 2981; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1156; Ярославский музей-заповедник (далее — ЯМЗ), № 9131 и Собр. соч.);

«Слово на Рождество Христово», произнесенное 25 декабря 1698 г. в Чернигове (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 3557; Софийское собр., № 1283; ЦНБ АН УССР, ДА/П—292; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 467; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и Собр. соч.); «Слово на Троицу», произнесенное в 1689 г. в Батурином Никольском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555; ЦНБ АН УССР, ДА/П—292; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 467; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и Собр. соч.); «Слово в неделю 27, о жене сляченной» — время и место произнесения неизвестны (ГПБ, собр. Титова, № 608, не издано); «Слово в неделю 7 по Пасце» — время и место произнесения неизвестны (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 270; ГБЛ, собр. Ундольского, № 658; РМЗ, Р—819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1156 и Собр. соч.). Все перечисленные проповеди, кроме «Казаня на страсти Иисуса Христа», изданы А. А. Титовым (Проповеди святителя. . .). К украинским проповедям Т. примыкает «Послание на память св. мучеников кизических» 1694 г. (см., например: ГИМ, Синодальное собр., № 146). Проповеди Т. украинского периода, написанные в стиле барокко, стоят в одном ряду с произведениями известнейших в XVII в. украинских проповедников Иоанникия Галятовского, Антония Радивиловского, Варлаама Ясинского и др. Для них характерно обилие риторических вопросов, восклицаний, аллегорий и т. д. См., например, в Слове на Троицу употребление «словесных эмблем» — «мистичных» златников с изображениями Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого; в слове «Брань архистратига Михаила. . .» замечательны словесные портреты семи архангелов, как бы описывающие изображения на иконе. Особого внимания заслуживает проповедь «Пирамис albo столп». Образ «столпа» в ней отличается не только богатством художественного декора, но и своей многозначностью (сравнение архитектурного памятника — «столпа» или пирамиды — с литературным произведением — словом, проповедью). Слова этого периода строго следуют правилам «сложения казаней», изложенным в книге Иоанникия Галятовского «Наука albo способ сложения казаней».

В феврале 1701 г. Т. приезжает в Москву, а 8 марта произносит приветственное слово Петру I (напечатано в Собр. соч.). 23 марта вышел указ о назначении его на Сибирскую митрополию в Тобольске, но из-за весеннего половодья и болезни в 1701 г. Т. из Москвы так и не выехал. Как сообщает Житие (см.: Житие св. Димитрия. М., 1863. С. 32), во время болезни писателя посетил Петр I, причем, учитывая слабое здоровье Т. и необходимость закончить работу по составлению Миней, царь отменил свой указ о назначении в Тобольск (на место Т. был поставлен Филофей Лещинский). И. А. Шляпкин указывает 15 проповедей, произнесенных Т. в период пребывания в Москве с февраля 1701 по февраль 1702 г. (все они напечатаны в Собр. соч.): Слово в субботу 5 похвальную Великого поста — 5 апреля; В неделю о расслабленном — 11 мая; В неделю по св. Духе — 15 июня в Донском монастыре; В «начатии Шведской войны» в четверг первой недели по св. Духе — 19 июня; Во 2 неделю по св. Духе — 22 июня в Преображенском монастыре; В неделю 9 по св. Духе — 10 августа в Донском монастыре; В неделю 10 по св. Духе — 17 августа; Празднование Донской Божьей Матери — 19 августа; В неделю 13 по св. Духе — 7 сентября; Слово о умерших — 12 сентября; В неделю 18 по св. Духе — 12 октября; В неделю 19 по св. Духе — 19 октября в Успенском соборе; В неделю 20 по св. Духе — 16 ноября; В неделю 23 по св. Духе — 16 ноября 1701 г.; В неделю 1 Великого поста — 23 февраля 1702 г. в Преображенском монастыре в присутствии Петра I. Построение этих слов, по мнению исследователей, остается прежним, но они в большей степени, чем раньше, отражают современные автору события. В Слове «о начатии Шведской войны» говорится о тяжелой жизни, «полной горя и безденежья», после поражения русских войск под Нарвой

(подробнее см.: Ш л я п к и н. Святой Димитрий. . . С. 285—288); проповеди московского и ростовского периодов выборочно издавались в периодических изданиях: Ярославских епархиальных ведомостях, Вестнике Европы и др.).

В конце 1701 г. скончался митрополит Ростовский Иоасаф Лазаревич, и в январе 1702 г. Т. назначается митрополитом Ростовским и Ярославским; начинается последний, но, пожалуй, самый замечательный период его жизнедеятельности. 1 марта 1702 г. Т. прибыл в Ростов и произнес в Успенском соборе приветственное слово (напечатано в Собр. соч.), отличающееся простотой стиля. Положение в ростовской епархии было сложное, Т. сам указывал на недостатки тамошнего духовенства — невежество, пьянство, невыполнение своих обязанностей. Все труды святителя были направлены на поправление этого положения: он развил широкую административную деятельность в Ростове, не щадя ни средств, ни собственных сил. Известно его послание монаху Варлааму о внешнем благоустройстве церквей и монастырей (см.: Ш л я п к и н. Святой Димитрий. . . Приложение IV. С. 15—42), распоряжение о хранении «святых таин» (напечатано в Собр. соч.), которые «должны находиться не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчками, а в церкви или, в крайнем случае, в особой клети и на месте честном, в сосуде чистом и чтимы поклонами», и некоторые другие документы.

Просвещая духовенство и паству, Т. произносил проповеди, составлял послания, но самое главное — открыл школу для священнослужителей. Занятия в Ростовской школе начались 1 сентября 1702 г. (см.: Н и к о л ь с к и й. Ростовское училище. . . // Ярославские епархиальные ведомости. 1863. № 24. С. 281—284). Ростовская школа была первым на территории России после Славяно-греко-латинской академии учебным заведением «повышенного» типа (ср.: Л у п ц о в. Книга в России. . . С. 30); сам Т. называл ее грамматической. Она располагалась в Архирейском доме Ростовского Кремля. Туда принимались не только дети священников, но и лица других сословий; всего за время существования школы в ней обучалось около 200 человек. В. В. Калугин пишет, что школа Т. «была общеобразовательной, а не специальной, и в этом ее основное отличие от всех школ петровского времени»; «школа Дмитрия Ростовского являлась своеобразным связующим звеном между древнерусскими училищами и народными школами XVIII века». Она делилась на три класса: низший (грамматический), средний (латинский), высший (философский). Полный курс грамматики, начинавшийся с азбуки, проходили за три года. Кроме того, в школе изучали латинский, древнегреческий языки, нотное пение, стихосложение, риторику (митрополит хотел, чтобы ученики его сами сочиняли проповеди); есть предположение, что преподавались польский язык, арифметика и философия (см.: Н и к о л ь с к и й. Ростовское училище. . . с. 239). Ученики писали домашние и классные (или школьные) сочинения, которые могли быть обыкновенными (безотносительными) или спорными (сочинения о местах, за звание лучшего ученика). Лучших учеников называли аудиторами, первого из них сеньором — в его обязанности входило наблюдение за порядком и тишиной в классе в отсутствие учителя, объяснение и повторение уроков. В школе было три учителя, имена двух из них известны — это выходцы с Украины Евфимий Морогин, предполагаемый автор драмы «Венец Димитрию» 1704 г. (см.: Б е р к о в П. Н. Школьная драма «Венец Димитрию» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 323—357), и Иван Мальцевич. Т. сам проводил занятия в училище, часто посещал его, экзаменовал учеников; воспитанники во время «вакансий» приезжали к нему на архирейскую дачу в село Демьяны близ Ростова. Ростовская школа просуществовала до 1705 г., ее закрыли стараниями И. А. Мусина-Пушкина, главы Монастырского приказа, и стольника В. Р. Воейкова, которые ссылались на то, что на ее содержание идут большие средства. В письме

Иову, митрополиту Новгородскому, от 10 декабря 1705 г. Т. писал: «И аз, грешный. . . начал был прилагати тщание о учениях, и завел был училище греческое и латинское, и поучилися были ученики лета два. . . но сотворшаяся скудость, сотвори приятие и оставиша учение» (см. ркп. ГПБ, собр. Титова, № 1301, с собственноручной подписью Т.).

По праздникам и в дни именин учителей ученики произносили речи в стихах и прозе, разыгрывали театральные пьесы или диалоги. Для ростовской школы Т. в первый же год пребывания в Ростове написал пьесу «Рождественская драма» (или «Перемена непостоянного мира сего гордости, сетью в маловременной жизни человека уловляющая, в вечную муку посылающая на трюкоянном Ироде за гордость, ищущем рожденного всех царя Христа убити»), поставленную 24 декабря 1702 г. Пьеса дошла до нас в трех списках XVIII в.: ГПБ, О. XIV. 28; ГИМ, Музейское собр., № 1199; ГЦТМ, № 162040 (см.: Русская драматургия. . . Комментарии. С. 333). Другая пьеса Т. — к празднику Успения Богородицы — «Успенская драма» была написана, по мнению исследователей, на Украине в конце XVII в. Н. И. Петров считает, что она была создана не для школы (пьеса представлялась 15 августа, это время школами «вакансий»), а возможно, «для постановки в монастыре Елецком монахами и бельцам» (Петров. Очерки из истории. . . С. 169). Текст пьесы «Кающийся грешник» также, как считают исследователи, созданной Т. на Украине, не сохранился. «Одним из последних, кто читал полный текст „Кающегося грешника“, — пишет О. А. Державина, — был знаменитый русский актер И. А. Дмитриевский. Он принимал участие не только в переписке драм Дмитрия Ростовского, но и сам играл в „Кающемся грешнике“, вновь поставленном в 1750-х годах при дворе Елизаветы Петровны» (Русская драматургия. . . Комментарии. С. 335). И. А. Дмитриевский записал содержание пьесы и передал запись драматургу А. А. Шаховскому, который и опубликовал ее (см.: Шаховской А. А. Летопись русского театра // Репертуар русского театра, издаваемый И. Песочким, на 1840 год. СПб., 1840. Т. 1, кн. VI. С. 169). Некоторые исследователи приписывают Т. пьесы «Есфирь и Агасфер», «Воскресение Христово» и «Ростовское действо», но подтверждений этих атрибуций нет (ср.: Успенская драма. . . // ЧОИДР. Предисловие. С. I; Нечаев В. Святой Дмитрий. . .). Драммы Т. написаны по канонам школьных пьес, распространенных в Киево-Могилянской академии; они отражают эстетику барокко. Как отмечает Л. А. Софронова, «Дмитрий Ростовский создает сложные многоступенчатые образы, делая излюбленный барокко переход от конкретного к абстрактному, стягивая воедино далеко отстоящие друг от друга явления. . . Он отдает дань театру как синтезу различных видов искусств и вводит в свою пьесу музыкальные номера. Он создавал особый тип сюжета, приводил к варьированию одной и той же темы, обыгрыванию ее с различных сторон, к проведению ее в разных тональностях. В наибольшей степени в соответствии с барочной техникой он строил сюжет драмы. В нем главенствовал принцип отражения, ведущий в барочной поэтике» (Софронова. «Рождественская драма». . . С. 107—108). Интерес Т. к театру, по мнению исследователей, был вызван чисто практическими целями: прививая вкус и интерес к спектаклям, митрополит осуществлял нравственно-воспитательную программу.

Живя в Ростове, Т. часто бывал в Москве, там он провел весь 1706 г. 20 сентября 1705 г. он произнес в столице в присутствии Петра I одно из лучших своих слов — «Терпением стяжите души ваши» (напечатано в Собр. соч.). Главным орудием воздействия Т. на умы в ростовский период оставались проповеди. Основная часть сохранившихся проповедей произнесена с 1701 по 1709 г.; ростовские проповеди становятся логичнее, короче, живее, общедоступнее. Ярок и выразителен язык его торжественных слов; митрополит Макарий пишет, что «между современни-